

Press Any Key

Filesystem	Size	Used	Avail	Use%	Mounted on
/dev/sda1	980.1G	979.1G	0.9G	99%	/
/dev/sda2	29G	14G	14G	50%	/usr
/dev/sda3	62G	2.6G	56G	5%	/var
tmpfs	512M	60K	512M	1%	/tmp

Когда она меня убьёт

Elena Bogatyreva@localhot/freedomlovelife

Елена Богатырева

Когда она меня убьет

«Издательские решения»

Богатырева Е.

Когда она меня убьет / Е. Богатырева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850854-7

Герою романа предстоит сделать выбор: любовь, свобода и смерть или жизнь, но без любви и свободы. Выбор жесткий и странный. Для него — странный. Станный потому, что решение уже существует. И он уже принимал его в сотне других жизней.

ISBN 978-5-44-850854-7

© Богатырева Е.
© Издательские решения

Содержание

Press any key	6
1	7
2	10
3	12
4	15
5	19
6	23
7	26
8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Когда она меня убьет

Елена Богатырева

© ЕЛЕНА БОГАТЫРЕВА

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельца авторских прав.

Сайт автора <http://elenabogatyreva.ru/>

Дизайнер обложки Светлана Ващенко

© Елена Богатырева, 2018

© Светлана Ващенко, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4485-0854-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Press any key

Юности, растраченной бесцельно и бездумно. А как, собственно, иначе?

Ведь она, как свобода, – только такой и может быть.

*Жизнь слишком коротка, чтобы жалеть кого-то.
Даже если этот кто-то – ты сам.*

*Первый закон для женщины – это закон слез
А она не заплакала*

1

Когда неприятности случаются некстати, они пакостнее во сто крат.

Вскочил на носу фурункул. Неприятность.

А если вы женщина, вам за тридцать, свадьба завтра и приглашено полгорода? Тогда это некстати.

Со мной тоже случилась неприятность некстати. Я попал под машину в разгар переезда на новую квартиру.

Мне повезло, потому что, когда я позвонил Кире из больницы, выяснилось, что он находится неподалеку и готов взвалить на себя все тяготы руководства бригадой грузчиков, за что я после еще пару недель был ему искренне признателен.

А началось с того, что накануне Нового года я затеял переезд. Поначалу все шло как надо: вещи упакованы, грузчики прибыли вовремя. Добрую половину коробок они быстро и ловко забросали в сырое чрево старенького грузовика, но последняя коробка лопнула, посыпались книги, и стало жаль бросать их живьем в грузовик, где хлюпала грязь на дне. Под рукой не оказалось ничего, что могло бы спасти положение, и, пока грузчики витиевато исторгали проклятия в адрес моего холодильника, я побежал в магазин за коробкой.

Дорогу, нужно отметить, я перешел вполне благополучно, а вот уже на тротуаре старенькая серая Toyota вдруг сдала ни с того ни с сего назад, вместо того чтобы выкатиться на проезжую часть, и я упал. И потерял сознание.

Очнулся я в приемном отделении больницы под пристальным взглядом пожилого доктора и умоляющим – толстяка с трясущимися губами, который и оказался виновником происшествия. Я попытался встать, но врач сделал предупреждающее движение, а лицо толстяка налилось таким ужасом, что я поначалу даже решил, будто пострадал всерьез, утратил, быть может, какую-нибудь часть тела или истекаю кровью.

Я осмотрел себя, насколько это было возможно из положения лежа, пошевелил руками и ногами и, сообразив, что цел и невредим, снова попытался подняться, а когда мне этого не позволили, быстро и четко обрисовал доктору, как человеку наиболее здравомыслящему из присутствующих, ситуацию с машиной, грузчиками и последствиями моего исчезновения.

Но доктор проявил недюжинную для своих лет непреклонность. Он категорически настаивал, чтобы я позвонил кому-то из близких, потому что в ближайшие полчаса он намеревался установить степень ущерба, причиненного моему здоровью. «И вашей адекватности, батенька», – заключил он, нехорошо покачивая головой. А толстяк уже с готовностью протягивал мне мобильный телефон, а доктору – салатную купюру.

Никого из близких в городе у меня не было, я позвонил Кире. И он, без единого стона, угробил свой выходной на мой переезд, а вечером заехал в больницу передать ключи, готовый пожертвовать еще четвертью часа, чтобы сопроводить меня до дома.

Помощи его, правда, не потребовалось, потому что к тому времени я, окончательно обогранный на всю медицину, шел ему навстречу к выходу...

Вы когда-нибудь сталкивались с врачами, больницами? Единственное, что я испытываю при виде белого халата и очереди из людей с мрачными лицами, – желание немедленно выздороветь и оказаться где-нибудь подальше от этих стен, на свежем воздухе, на свободе. По натуре я затворник, но приемлю затворничество лишь добровольное, комфортабельное, на собственной территории.

Поначалу все складывалось более или менее сносно. Старикан-врач ощупал меня, не отыскав никаких изъянов. Затем меня отвели в рентген-кабинет и сделали снимок грудной клетки и головы. Толстяк-Шумахер в это время неотлучно находился при мне и оплачивал все врачебные манипуляции. Однако после рентгена вышла небольшая заминочка. Оказалось, что

пересчитать ребра на снимке старикан мог, а разбираться в снимке моей черепушки не имел полномочий. Для этого необходим был невролог, у которого сегодня выдался выходной.

Строгая женщина в окошке регистратуры, объяснив, что врач может подъехать в больницу, если ей оплатят проезд и сверхурочные, уставилась в упор на толстяка. Тот с готовностью полез в нагрудный карман за деньгами. Я попытался было его остановить, но он тонким голоском взмолился: «У меня страховка, понимаешь, и мало ли что...» Я пожал плечами и, потребовав у него мобильный, позвонил Кире.

Задыхаясь в трубку, он отпраповал, что переезд состоялся, что вещи выгружаются по адресу и что рабочие очень нехорошо ругаются, потому как лифт не работает. Быстренько решив, что пообщаться с неврологом за чужой счет гораздо приятнее, чем выслушивать трехэтажный мат грузчиков за свой, я пообещал Кире, что не умру в ближайшие два-три часа и обязательно дождусь его в больнице.

Невролог оказалась серьезной девушкой, унесла снимок моей головы в кабинет и, судя по времени, которое провела там, делала с него копию, причем вручную. Когда дверь кабинета отворилась, первым подскочил толстяк-Шумахер. Я же так и остался дремать в казенном дерматиновом кресле, наблюдая через полуприкрытые веки как она часто трясет головой будто курочка и деловито жестикулирует.

Мисс Большие Очки – так я называл ее. Была она маленькой и до одурения серьезной. Этакая строгая училка.

– Пожалуйста, – пригласила она меня, – я бы хотела с вами поговорить.

За версту от нее веяло скукой. Кабинет отбивал охоту жить. Стул был жестким. Стены – отвратительно голубыми.

– В принципе, волноваться не стоит.

Она неумело пыталась не просто смотреть мне в глаза, а заглядывать время от времени в душу. Многозначительный тон, которым она произнесла первую фразу, предвещал длинную лекцию из разряда тех, что обычно читают врачи абсолютно здоровому человеку, стремясь напомнить, что тот не вечно будет жить, полагаясь на собственные силы...

– Сотрясения мозга у вас нет, никаких серьезных последствий не предвидится, – продолжала она тем временем. – Конечно, нужно побережесь, никаких серьезных физических нагрузок хотя бы месяц, никаких...

Под моим пристальным взглядом она все несла и несла какую-то чепуху, пока я не решил положить этому конец, неспешно поднявшись и расправив плечи. Сообразив, что я считаю ее время законно отработанным, она свернула, наконец, свой перечень и огорошила пустячком:

– Разве что вот тут, видите, маленькое затемнение.

Стало неприятно. Кому хочется иметь в своей голове затемнение там, где у других его нет? Однако, даже не повернувшись к компьютеру, в который она тыкала пальчиком, я равнодушно спросил:

– И что сие означает?

– Очень редкое явление, мне пришлось перерыть массу данных, чтобы...

– Так что?

Она явно расстроилась, что я не захотел слушать, как серьезно она потрудилась, но все-таки ответила сразу:

– Это может означать маленькую, такую, знаете, локальную, амнезию.

Сначала я оцепенел. Я потерял память? Стоп-стоп. Я ведь помню, кто я такой, да и только что помнил, кто такой Кира, и даже номер мобильного телефона помнил, чем не все люди без амнезии могут похвастаться.

– Вы хотите сказать, что у меня слегка отшибло память?

– Что-то вроде того.

– Я могу не вспомнить, где я живу? – уточнил я. – Чем занимаюсь?

– А вы помните? – осторожно осведомилась она.

– Прекрасно.

– Ну вот видите, – сказала она, – я же говорила, волноваться не стоит.

– Но вероятность того, что я что-то забыл, остается? – спросил я.

– Да. И вероятность эта очень велика. Практически равна ста процентам. Боюсь, вам не справиться с этим самостоятельно. Поэтому, если хотите... – Она протянула мне визитку, но я проигнорировал ее жест.

– Так в чем же конкретно эта локальная амнезия может выражаться? В том, что я забуду, как приготовить яичницу?

– Вы просто не вспомните, что когда-то умели ее готовить.

– Полная ерунда, – вырвалось у меня, хотя то, что она сказала, ерундой не показалось.

– Конечно ерунда, если дело идет о яичнице. Или о каких-нибудь коньках. Вот, скажем, любили вы кататься на коньках, и это доставляло вам удовольствие. Теперь вы о них не вспомните, потому что это как раз тот кусочек памяти, который вы потеряли. Вам не придет в голову сходить на каток, потому что в вашей памяти коньки стерты. Ведь большинство наших желаний основано на памяти, согласитесь. Но здесь тоже нет ничего страшного. Потому что однажды кто-нибудь пригласит вас на каток или вы сами решите попробовать, и на льду вдруг выяснится, что вы прекрасно катаетесь. Потому что память – функция ментальная, а тело все помнит, оно память не утратило. Вы понимаете, о чем я говорю?

Теперь я прекрасно ее понимал, и понимал даже больше того, что она говорила. Я уже почувствовал то, что она облекла в слова:

– Конечно, когда речь идет о мелочах, о чем-то явном, о том, что вы можете повстречать в жизни, то память «проснется». Но у каждого человека есть некая потаенная часть, и ничего в реальном мире о ней не напомнит. Вот она-то останется для вас погребенной. И не только она, а все мысли, желания и стремления, которые были с ней связаны.

Я протянул руку за ее визиткой. Она не сразу сообразила, чего я хочу.

– Это можно как-то изменить? – спросил я.

– Гипноз, – развела она руками. – На подсознательном уровне память сохранилась. Ее нужно только извлечь.

– Вы занимаетесь гипнозом? – Я не сумел скрыть прорвавшуюся брезгливость, с которой относился ко всем, кто пытается влезть людям в головы, от цыганок до политиков.

Мисс Большие Очки совсем раскраснелась.

– Я не утверждаю, что вам необходимо пройти сеанс, – сказала она. – Но если вы вдруг почувствуете нечто странное, необычное, испытаете потребность...

Я взглянул на нее с легкой улыбкой, так, как обычно рассматриваю девочек, робко делающих мне недвусмысленные предложения, и она совершенно смешалась.

– Хорошо, – сказал я, помахав в воздухе визиткой, – как только потребность созреет, я – ваш.

В кабинете она осталась пунцовой. Я мог бы поспорить, что исполнение своего профессионального долга далось ей на этот раз нелегко.

Толстяк мой понуро сидел на диванчике и даже не взглянул на меня, когда я шел мимо. Мне стало жаль его, и, хлопнув бедолагу по плечу, я дружески ему подмигнул:

– Слушай, не парься. Хочешь, расписку напишу, что никаких претензий у меня нет?

В его глазах светилась безнадежность:

– Это с потерей-то памяти?

Я развел руками и, решив, что эта абсурдная история слишком затянулась, положил ей конец, направившись к выходу.

С Кирой мы столкнулись на первом этаже и решили, что непременно встретимся на днях обмыть мой переезд.

2

В жизни каждого, как бы стремительно она не неслась, есть моменты, а кому особенно везет, то не моменты даже, а месяцы или годы, когда все идет как по заколдованному кругу. Творится одна и та же история с одним и тем же нелепым концом. Проявляется вдруг абсолютная аномалия, искажая события так, что ты совершаешь бессмысленный круг, как лошадь на цирковой арене.

Мысль эту гораздо доходчивее выразил один мой случайный знакомец, дитя гор, когда, заканчивая путаную исповедь в маленьком ресторанчике на берегу Финского залива, ткнул указательным пальцем в потолок и произнес: «Если встречу, клянусь мамой, я опять сделаю это!»

Я тогда выпил гораздо более обычного, а потому слушал рассеянно и соображал вяло, тем более что от избытка чувств мой собутыльник то и дело переходил с русского на родное тягучее наречие. Но когда он поднял указательный палец, луч прожектора, лениво бродивший по залу, споткнулся о фальшивый рубин в его перстне и брызнул колючим фонтанчиком света, а потому последняя фраза произвела на меня столь глубокое впечатление. Есть во мне какая-то нелепая чувствительность ко всему, что касается стечения странных событий, снов, совпадений, и я часто готов принять их за озарение или знак свыше.

– Амиго, – язык мой заплетался, – а что именно ты сделаешь, ну, это... в смысле – опять?

Собеседник склонил голову к левому плечу, нахохлился и вдруг необычайно стал похож на ворона.

– Я сделаю то, что делал уже тысячу раз! – ответил он с горьким пафосом.

– Так что конкретно? – спросил я, ошолбенело разглядывая его новые вороньи черты.

Вороны, по моему глубокому убеждению, те самые птицы, которые особенно тесно связаны с потусторонними силами.

– Я потеряю ум!..

Утром следующего дня, плохо выспавшись и еще хуже соображая, я все-таки припомнил начало разговора со своим случайным собутыльником. Если перевести его исповедь на родной язык и не принимать во внимание описаний горных пейзажей, которыми он изрядно злоупотреблял, получалось, что человек он рассудительный, трезвомыслящий и даже где-то – степенный. И так – во всем, ровно до тех пор, пока на горизонте не замаячит какая-нибудь белобрысая бестия. Тогда он «терял ум», впадал в буйство и совершал всевозможные глупости, о которых после долго сожалел, и клялся, что больше с ним такого не повторится. Но являлась следующая блондинка, и клятвам была грош цена. Рассудок его самоустранился, или вернее – самоликвидировался, потому что хотя бы в отдаленном его присутствии никто не вытворяет тех штучек, что он выкидывал. Женщины иных мастей не причиняли ни малейших хлопот моему собеседнику, приходили и уходили, дарили тепло своих тел и сердец, а пергидрольная дива каждый раз становилась камнем преткновения.

Я задумался. Моему собутыльнику несказанно повезло хотя бы уже в том, что он знал, как выглядит симптом его бедствия, тогда как большинство людей даже припомнить не могут, с чего для них все начинается. Они просто бегут по кругу и, заканчивая очередной виток, обнаруживают себя в куче до боли знакомого дерьма. Они, конечно, не сплошь все идиоты, и многие из них делают выводы и торжественно обещают себе: «Да уж! В следующий раз буду умнее и не вляпаюсь в эту туфту!» Но когда этот самый «следующий раз» наступает, они «теряют ум» и принимаются повторять прежние глупости с такой педантичностью, будто их сокровенная цель – испоганить собственную жизнь до самого основания.

Смешно, хоть плачь. Где-то на полпути услужливая память пытается вмешаться и подсказывает, что, мол, дежавю, дружочек. Все это мы уже проходили, и конец был довольно паршивый, а ты опять жуешь тот же овес... Но респондент, пусть даже и слышит ее, и догадывается, что лабуда, как в дурном сне, все та же, тем не менее, будто приговоренный, довершает очередное безумие, хотя бы уже и предчувствуя результат. Он, может быть, и не прочь сойти с дистанции, нарушить ход событий, изменить их злосчастную заданность. Снаружи. То есть, не попав еще в свой заколдованный круг, он считает, что именно так и поступит, когда пробьет его час...

Но внутри там законы иные. Неосторожно ступив в эпицентр, человек больше не соображает, где находится. А если и мелькают у него отдаленные догадки, то наверняка он не владеет собой, иначе к чему бы ему так упорно и последовательно переставлять ноги след в след прошлым своим безумствам.

В последнее время в моей жизни началось какое-то смутное брожение. Утром я просыпался мгновенно, как от удара, подскакивал на кровати и обалдело оглядывал комнату. Мне казалось, что я непременно должен что-то припомнить. Какое-то очень важное воспоминание отстраненно кружило над моей головой и никак не хотело «даваться мне в ощущение». Я мучительно тер лоб, но в той ячейке памяти, где должен был помещаться сегодняшний сон, зияла черная дыра.

Примириаться с безнадежностью подобных пробуждений с каждым днем становилось все труднее. Я делался раздражительным, тяжело переносил многолюдность улиц, тусовочный смог маленьких кофеен, телефонные звонки знакомых.

Февралю оставались считанные дни, несмотря на високосность года. Снег лежал стоптанный и серый, давно не стиранной ветхой простыней, сквозь прорехи которой уже сквозил грязнуля-март, с его непролазными топями, когда тротуары наливаются черной талой водой, и даже добропорядочные питерские старушки поминают Бога недобрыми словами, глядя в беспрочно сумеречное небо.

А мне никак не удавалось отделаться от навязчивого ощущения, что все это со мной уже происходило.

И когда я пытался вспомнить, чем же все это кончилось, мурашки бежали по спине, и становилось холодно, как в могиле...

3

Я старался выходить из дома как можно реже. Нарочно завалил стол неоконченными статьями и недописанными главами диссертации. Но тема, за которую я ухватился со студенческим еще пылом на третьем курсе, теперь виделась мне надуманной, неуместной. Подступающий с возрастом консерватизм требовал чего-то земного.

Тема была о любви. Вернее – о ее роли в исторических перипетиях, о ее влиянии на ход исторического процесса. Я до сих пор не мог себе простить, что в такую тему вляпался. Сыграла, наверно, злую шутку моя влюбленность на третьем курсе в одичалую тусовщицу, любительницу эпатажей и травки.

Как пить дать, эта тема пригрезилась мне в одну из наших с ней встреч, происходящих обычно на фоне полного помутнения сознания. Не иначе как под влиянием танцующих по стенам галлюцинаторных пятен; запаха дешевой пудры, которой она сроду не пользовалась, но которой пропахла насквозь; головокружения, которое вызывал у меня этот ее запах; ее губ – вкуса переспевшей черешни; ее ветрености, и потрясающей легкости, и сладкой отравы, которую она неизменно приносила с собой.

Мирно покуривая травку на моем диване, мы частенько включали телевизор, и многие политические события представлялись мне не просто незначительными, но – иллюзорными, практически – нереальными, в отличие от ее дыхания на моем плече, от предстоящего упоительного исследования глубин нашей страсти.

Я тогда был молод абсолютно и бескомпромиссен и высказал Анастасии Павловне, куратору нашей группы, мысль о том, что в жизни каждого дяди Васи главенствующую роль играет какой-нибудь сосед сверху, любитель забивания гвоздей по воскресеньям. Или какая-нибудь пышнотелая тетя Даша, с веселыми непременно глазами, живущая через лестничную клетку, из квартиры которой так неистово пахнет борщом, что дядя Вася сходит с ума от этого запаха и от явлений ее полуобнаженной груди в ярко-зеленом халате, когда они сталкиваются на площадке – он с папирсой, она – с мусорным ведром и кивают друг другу.

Я говорил с жаром, который не остыл во мне еще после утреннего пробуждения с веселой богиней той моей весны, что, мол, к чему дяде Васе курс доллара, что ему с того, что сменился партийный лидер, когда сосед по утрам забивает гвозди, а соседка все варит и варит свой колдовской борщ. Эти мелочи съедают его восприятие целиком. И вообще – любовь – это сила, которая правит миром.

Финал моей речи, если и был логически связан с предыдущим повествованием, то лишь паутинной нитью, прозвучал неожиданно, как сорвавшаяся с языка детская тайна, которую невозможно больше удерживать внутри.

Речь моя произвела на меня отрезвляющее впечатление, а вот на Анастасию Павловну скорее – наоборот. Каким-то странным образом заразившись моей горячностью, она вдруг покраснела и тонким, почти девическим голосом принялась быстро и сбивчиво говорить мне, что – величайшая смелость поднять, наконец, такую грандиозную тему, как любовь. И что она давно ждала именно такую юную голову – смелую и честную, которая перевернет представление об истории и наконец расставит все по своим местам. И вот она дождалась. И эта светлая голова – я. И она, разумеется, станет моим научным руководителем, а тему мы с ней (мы с тобой, сказала она) назовем «Главенствующая роль любви в развитии исторического процесса». На протяжении пяти последующих лет мне, сколько бы я ни приводил резонов, избавиться от пафосной темы не удалось, удалось лишь изменить слово «главенствующая» на «ключевая». Анастасия Павловна дамой была непреклонной.

С той поры я закончил институт, написав все-таки каким-то загадочным образом диплом на такую странную тему и даже защитив его с отличием. Я сдал экзамены в аспирантуру, я

честно проучился там три года, но теперь, когда я стал на пять лет старше, романтика исторической науки, которой были окутаны сизые сфинксы на Университетской набережной, растаяла вместе с черным февральским снегом. Ее сфинксы больше не казались мне мохнатыми существами с переполненными негой глазами. История больше не была для меня загадочным миром фараонов, великих воинов, мудрых и таинственных правителей. То ли я часто смотрел новости, то ли просто время уж как-то нарочито демонстрировало бездарную реальность наших дней, в которой не было места ни масонам, с величием их замыслов, ни друидам, с их высшей мудростью, ни великим порывам великих душ. И я перестал верить в то, что в прошлом такое случалось.

Нет, мне, безусловно, было что сказать в своей диссертации, будь она хоть трижды на такую бездарную тему. Существой на свете один лишь Наполеон, намертво впаявший любовь в политику, мне все равно хватило бы материала на парочку диссертаций. Но дело было в словах...

Слова копились... где-то глубоко внутри, я уверен. Я часто разговаривал сам с собой и был полностью удовлетворен собственным остроумием, логикой, способностью выстраивать фразу. Но садился за компьютер и немел. Лень сковывала по рукам и ногам. Тут же хотелось закурить, сварить кофе, позвонить кому-нибудь.

Но слова копились, я это чувствовал, копилось состояние, и я не исключал, что однажды все это вдруг прорвется, слова польются свободным потоком, как раньше, когда я писал диплом или курсовые. Но я страдал, впадал в меланхолию, а чуда все не происходило.

Кто сказал, что можно найти вдохновения в женщинах? Кому первому пришла в голову эта чудовищная мысль? Лично мне ее подкинул Кира во время наших мрачных посиделок с пивом, которое я от рождения терпеть не могу.

Тогда я окунулся с головой в ночные клубы, рестораны, дискотеки. В то короткое белое питерское лето в моей жизни было столько женщин, сколько не было в пересчет на остальные годы. Они будто ждали меня, роясь в ярких, как цветы, кафе, оккупируя набережные с разведенными мостами в душные вечера. Им был нужен как воздух мой азарт поиска, потому что не я, а именно он соответствовал их вибрациям. Они тоже искали и тоже не знали чего именно. Также готовы были принять случайную встречу за знак Провидения. Легкость встреч, готовность к страсти и хладнокровное стирание очередного номера в моем мобильном сводили меня с ума. В каком-то глупом угаре я принимал первое время их уступчивость за свое могущество. Пока, растратив запас внутреннего терпения, не соскучился как-то вдруг, поняв, что цель моя не достигнута: работа стоит, и теперь я испытываю к ней еще меньше охоты, чем прежде. Женщины вдохновляли на безделье, на трату денег, на пустую болтовню, но ни одна не принесла вожделенного вдохновения, которого я так жаждал. Даже искры его.

Я решил, что женщины подворачиваются не те. Я стал строже в выборе, определеннее в беседах. Нетерпение зажглось в моих глазах. Я сменил приманку и стал притягивать только отчаянных, балансирующих на лезвии крайности, одержимых и оголтелых. Начались тяжелые бои без правил, по утрам теперь я просыпался измученным, но, кроме катастрофической потери сил, никаких перемен со мной не происходило.

Однажды мне пришла в голову совершенно шальная мысль – отыскать мою музу, ту, с черешневыми губами. Но после первого же осторожного вопроса, заданного сокурснику, я пожалел об этом. Душа моя вылетела из университета за прогулы в том семестре, когда завершился наш роман, подседа со временем на тяжелые наркотики и полгода назад тихо скончалась где-то в Вологодской области у родителей.

Последнее известие произвело на меня столь удручающее впечатление, что я впал в мрачную апатию да так до сих пор ничего не смог с ней поделать. А что прикажете делать, если сама судьба унизила и уничтожила мою единственную музу, не оставив мне шанса даже в воспоминаниях.

После окончания аспирантуры прошла осень, миновала зима, а я так и слонялся по квартире – бывший аспирант, не в силах подыскать работу или даже подумать о предстоящем трудоустройстве.

4

Перед самым Новым годом меня одолело желание начать все с нуля, все переменить в своей жизни, в надежде, быть может, на то, что и в голове все переменится. Я затеял переезд в квартиру, которую подарили мне родители. Подарили давно. Она уже год ждала своего хозяина. Но мне все было недосуг, я едва ли побывал там пару раз с момента получения документов и ключей. Благо у моих драгоценных родителей тоже не было времени проверить, насколько я оценил их щедрый дар. Они как обычно были в отъезде.

Отсутствовали они практически всегда, кочуя по миру из одной страны в другую, проживая в каждой маленькую жизнь, перевоза ее потом в ворохе прочих воспоминаний в чемоданах, пересыпанную пряной ностальгией.

Мой отец – вечный отличник, стал в свое время самым молодым доктором наук Технологического института и к тридцати пяти годам был одним из наиболее востребованных специалистов в разных уголках земного шара. Там он и проводил свою жизнь, вместе с мамой – верным помощником, вечной ассистенткой и боевой подругой. Некоторое время я тоже колесил с ними по миру, путая языки и имена быстро сменяющихся приятелей, присматривающих за мной студенток и пожилых дам, учителей, названия улиц, пока однажды не было решено вернуть меня на историческую родину, где я вместе с полным одиночеством обрел и полную самостоятельность...

В пятнадцать лет меня приютил дед, но через три года он покинул этот мир, и я оказался предоставленным самому себе.

С тех пор я претерпел трансформацию наподобие гусеницы с ее коконом. Не скажу, что превратился в прекрасную бабочку, но основательно изменился – это факт.

Сегодняшний день мало чем отличался от остальных. Шатания по квартире ничего не давали, ничего не меняли. Но улица за окном гремела кошмаром, я плотно задвигал шторы, баюкал себя чтением Геродота, перелистывал страницы дипломной работы и ровным счетом ничего не предпринимал, хотя в душе без всяких к тому причин все росло и росло беспокойство.

Когда кофейные чашки перестали уместаться в мойке, я все-таки попытался реанимировать былую беспечность: сделав глубокий вдох, добежал до ближайшего супермаркета, чтобы запастись провизией еще на неделю. На обратном пути взглянул на свой почтовый ящик и выругался: ворох разноцветных бумажных листов больше не вмещался в его узкой щели, жэковская квитанция валялась на полу вместе с письмом.

Подобрав письмо и квитанцию, я освободил ящик от тонны хорошо утрамбованных рекламных материалов, переместив их в мусоропровод, который ими едва не подавился.

Голубой конверт... Возможно, сейчас весь мир такими пользуется, но я не пишу писем, и некому, стало быть, мне отвечать, а потому ничего про конверты не знаю. Станный голубой конверт. И на нем напечатаны были мой адрес и мое имя. Все – обо мне и – ничего – об отправителе. Даже штемпеля не было.

«Она мне прислала письмо голубое», – вспомнился Северянин, и на ум тут же пришла Анастасия Павловна, научный руководитель моей никак не желающей состояться диссертации, грузная женщина пятидесяти девяти лет, до странности порой сентиментальная. Только она, пожалуй, могла бы облечь деловое письмо в столь сомнительную оболочку.

Я не стал ждать лифт и, поднимаясь по ступенькам, надорвал конверт. Достал листок без обращения и подписи. Послание было коротким.

«Ваша жизнь в опасности! Вам остался месяц или два. Будьте предельно осторожны!»

Перечитывая письмо, я повернул к последнему маршу. На широком подоконнике сидела девочка.

– Привет, – сказала она. – Ты ведь из шестнадцатой квартиры?

– Здравствуйте, – ответил я ей нарочито вежливо в ответ на ее «ты». – С кем имею честь?

Она усмехнулась:

– Я – за ключами.

– За чем, простите? – Я прошел мимо нее, поднимаясь к своей двери.

Она двинулась за мной.

– Мама оставила мне ключи, – ответила она.

Я открыл дверь, бросил на пол пакеты с продуктами и повернулся к ней:

– Это что, такой новый способ знакомиться?

Я как-то быстро увязал ее появление с письмом. А почему нет? Странное письмо и такая же странная девочка со странными притязаниями на несуществующие ключи.

– С тобой?! – Она так искренне удивилась, будто я действительно был последним человеком на свете, с которым ей пришлось бы в голову искать знакомства.

И протянула мне записку.

«Тети Нади нет дома, поэтому ключи оставляю в шестнадцатой. Буду поздно».

Мы посмотрели друг на друга. Она явно была расстроена.

– Значит, не оставила... Н-да, стоило от нее ожидать.

– От кого?

– От мамочки. Наверняка квартиру перепутала. Можно я позвоню? У меня еще и трубка села.

Я прошел в комнату и протянул ей телефон, она набрала номер:

– Это Ева, – сказала она зло, – попросите ее подойти к телефону.

Ее абонента, вероятно, искали долго, но все-таки нашли. Потому что она снова заговорила:

– Да, мне вздумалось вернуться домой.

Затем она мрачно выслушала ответ и сказала:

– За это время можно долететь до Парижа.

Она надолго замолчала. Не дожидаясь окончания ее переговоров, я прошел на кухню, с педантичной аккуратностью, обычно мне совсем не свойственной, расставил продукты на полке и даже, по какому-то странному наитию, принялся тереть дверцу холодильника губкой, пока не стал сам себе противен. Что происходит? Я ощущаю неловкость из-за присутствия школьницы в моей квартире? Будто это я напросился к ней позвонить, а не она ко мне.

Когда я вышел, она резко поднялась, и стопка не разобранных после переезда книг, стоявшая на полу, рассыпалась.

– Как обычно – неловкая, – сказала она, впрочем не сделав ни единого движения в сторону устроенного беспорядка.

Подхватила рюкзачок и вот уже застегивает сапожки у двери.

– Спасибо, вы были весьма любезны, – сообщила она мне на прощание и показалась гораздо старше, чем прежде.

В глазах ее мелькнула насмешка. Совсем не детская.

– Пока.

Чувствуя, как холодное раздражение от такого наглого вторжения закипает внутри, я лишь кивнул и закрыл за нею дверь. Прошел в комнату и опустился на колени, не зная, разобрать ли книги, которые уже месяц здесь пылятся, или просто задвинуть как есть, грудой в угол, чтобы не мозолили глаза.

И я сразу увидел нечто инородное.

Большой альбом, обтянутый потертым бархатом, лежал сверху.

Я раскрыл его, бегло взглянул на незнакомый почерк. Мне не нужно было особенно напрягаться, чтобы сообразить, что у меня никогда такого не было до сегодняшнего дня, схватил его и быстро вышел на лестничную площадку.

Она стояла у лифта, двери медленно открывались. Заметив меня, она слегка отпрянула, взгляд заledenел.

– Вы кое-что забыли, – я протягивал ей альбом и глупо пояснял, потому, наверно, что она ничего не понимала, – эту вещь. Вы забыли. У меня. Это – ваше.

Смешно, но она выглядела насмерть перепуганной. Дверцы лифта дрогнули и закрылись. Она нажала кнопку снова, спросила:

– Вы уверены?

Вошла в лифт. Я все еще протягивал ей альбом.

– Это не мое, – сказала она.

Двери закрылись, лифт пошел вниз.

Когда она стояла там, залитая светом... Кому пришло в голову вкрутить туда лампочку в сто пятьдесят ватт?! Так вот, когда она там стояла, я вдруг подумал, что она практически моя ровесница. Почему же сначала она показалась мне ребенком?

Ева...

Я вернулся в квартиру, но желание приниматься за какие-то дела испарилось начисто. Мне всегда казалось, что случайностей не бывает. Раз уже началось все с глупого письма и продолжилось этим нелепым визитом, значит, лучше вовсе ничего не предпринимать сегодня, как говорил мой дед, «путного не жди». И все-таки что за ахиней на меня свалилась?

Кофе и сигареты – лучший способ уничтожения дневного времени. На кухне я оказался по привычке. Но вдруг понял, что сейчас совсем не хочу этого. Прислушался к своему беспокойству и с удивлением отметил, что готов бежать за ней вниз, обгоняя лифт, чтобы спросить, какого черта она на меня так смотрела?!

А потом увидел ее из окна. Она вышла из подъезда и направилась в сторону остановки. Пока она не свернула за угол, я смотрел ей вслед. Пока она не скрылась за углом, я успел понять, что подошел к окну не случайно... Сознание зависло. Не оторваться.

Но тут я вспомнил про альбом. Чужой альбом в моем доме.

Внимательно рассмотрев его, я пришел к выводу, что он, должно быть, очень старый и, вероятно, вполне мог бы принадлежать моему покойному деду. Вспомнив, как только что с упрямой настойчивостью совал его незнакомой девице, я едва не расхохотался. Может быть, этот альбом затесался между книгами – библиотека практически полностью принадлежала деду. Возможно, я просто забыл, как упаковывал его. Мне почему-то очень захотелось, чтобы именно этот альбом стал тем, о чем я забыл, оказался той темной точкой в моей голове, которая должна была в один прекрасный момент преподнести мне какой-нибудь отвратительный сюрприз.

От альбома исходил дух тления. Я зажмурился. Запах показался мне знакомым. Ммм... Так пахнут мальтийские церкви с их святыми из папье-маше. Мне не раз приходилось работать со старинными документами в архивах, и я мог бы поспорить, что альбому лет сто – никак не меньше. Уголок первой же страницы оказался у меня на пальцах и рассыпался, как крылья бабочки, неумело высушенной для детской коллекции. Необходимо было отложить чтение и принять меры, чтобы он не осыпался прежде, чем удовлетворит мое любопытство. И я даже собирался встать поискать специальную пластиковую закладку, которой обычно пользовался, работая со старинными документами, но глаза мои уже не могли оторваться от первых строк:

«Это не первая моя жизнь. Из тех, что помню, – вторая. В ней все не так, как в первой, но в главном – все повторяется, все повторилось. Ты живешь уже третью жизнь, и именно на тебя вся моя надежда. Возможно, именно

тебе удастся разорвать порочный круг и сделать так, чтобы все мы выбрались, наконец, из этой истории, по крайней мере – живыми

Однажды я гуляла по Смоленскому кладбищу и наткнулась на могильную плиту с удивительной эпитафией: «Господи, уповаю я лишь на то, что лежу здесь до дня своего воскресения!» Я давно утратила всякие связи с Богом. Мы – утратили. Ты это поймешь потом... Когда придет время. Я уповаю лишь на тебя. Даже сейчас, когда ты читаешь мой дневник, из могилы уповаю. Ты – мой единственный Бог. Потому что ты – это я. Ты – моя живая душа, прошедшая сквозь ужас смерти в новую жизнь. И ты это уже знаешь. Мой дневник подскажет или напомним тебе все, что я не смогла пронести в следующую жизнь

Ты уже догадываешься или знаешь наверняка, что я не сумасшедшая, возможно, в памяти твоей хранится даже воспоминание о том, как я сижу сейчас за столом и пишу эти строки. Но если вдруг ты не помнишь, и тебе нужны доказательства трезвости моего рассудка, то скажу тебе сразу главное: как бы ты ни жила, чем бы ни занималась до первого дня весны твоего двадцатипятилетия, главное событие твоей жизни произойдет именно в этот день. Событие, которое перевернет все вверх дном, сделает тебя убийцей и заставит умереть через два месяца

Первого марта ты попадешь в заколдованный круг, и, если не сумеешь из него выбраться, тебя не станет

Я не смогла. Даже сейчас, перед уходом, с трепетом и ужасом оглядываясь назад, я не понимаю, где снова совершила ошибку. В эту свою жизнь я пришла знающей все наперед. Мне казалось, что теперь-то я имею власть над событиями. Как я ошибалась! Судьба обладает гораздо большей властью над нами, чем нам, вечно беспечным существам, это представляется. Судьба? Или тот, кто там, наверху? Иногда я думаю, что именно он подстроил эту ловушку, чтобы все мы попадали в нее снова и снова. Но я все-таки надеюсь...

Впрочем, ты все это знаешь, и у тебя было достаточно времени подумать. Целая жизнь. Надеюсь, ты сумеешь одолеть Его. Я прочла все книги, в которых говорилось о свободе воли человеческой перед Ним

Твое главное событие произойдет первого марта в семь часов вечера»

Навязчивое повторение даты заставило меня, изначально увлеченного лишь оценкой степени шизофреничности повествования, вдруг осознать, что именно сегодня первое марта, а значит, началась весна. Я бросил взгляд на часы и замер. Стрелка на моих глазах дрогнула, дернулась, перескочила на одно деление и показывала теперь ровно на двенадцать, тогда как часовая замерла на семи.

Меня охватило мистическое оцепенение, показалось на миг, что вся эта история, о которой одна женщина пишет в своем дневнике другой, возможно не существующей (Да что со мной?! Конечно – не существующей!), имеет какое-то отношение ко мне. Ведь каким-то странным образом затесался среди моих книг этот дневник. И если предположить, что он имеет отношение к моему деду, к подруге его юных дней, то, возможно, имеет все это власть и надо мной. И ведь надо же такому случиться, что дневник этот попался мне на глаза именно сегодня, первого марта, почти что в семь часов вечера.

5

Я непроизвольно затаил дыхание, ожидая неизвестно чего; того, быть может, что развернется бездна или рухнет на меня потолок. А что? Такое вполне возможно при нашем строительстве...

Даже сердце мое стало биться чуточку тише, как-то вдруг иссяк поток машин за окном, и потому наступившая тишина показалась зловещей. И в этой тишине я услышал едва уловимый звук, доносившийся из глубины моей пустой квартиры.

Минуту я соображал, что бы это могло быть. Отбросив в сторону дневник, как гремучую змею, я встал и, пытаясь двигаться бесшумно, пошел в сторону неизвестного звука.

Через мгновение мои мистические настроения рассеялись, а бытовые проблемы, которых я опасался больше любых мистических чудовищ, накрыли с головой. Сквозь пластиковые панели потолка в ванной сочилась вода, капли бились о кафельный пол, звук усиливала акустика просторной пустой комнаты. Вот тебе и ужас первого дня весны, а заодно и конец тихого вечера, который я собирался провести.

Взлетев по лестнице на верхний этаж, я приготовил постную мину и отточенные изысканной вежливостью ругательства, которые копились во мне с детства, не были обронены ни разу, а потому напитались ядом. Теперь они имели полное право на свободное хождение.

На первый, довольно продолжительный, звонок мне никто не ответил, а потому я прижал палец к кнопке звонка намертво, ожидая, когда же у хозяев сдадут нервы. Минута ничего не дала. Вторая прошла также бездарно, но мне не хотелось сдаваться, а потому я не отнимал палец от кнопки звонка целых три минуты, после чего в сердцах ударил дверь кулаком, и... О, чудо! Дверь открылась.

Я бы совсем не удивился, если бы увидел за дверью перепуганного ребенка или странную девчонку, которая сегодня изволила меня навестить. Да что там! В глубине души я был уверен, что увижу за дверью именно ее. И не столько потому, что мне хотелось все странности сегодняшнего дня списать на ее появление в моей жизни, сколько поймать ее за руку и доказать ей же самой, что она просто-напросто хотела со мной познакомиться.

Уж не знаю, почему мне в голову влетела эта шальная мысль, но мне не только не хотелось проверить ее истинность, как я поступал с любой другой гипотезой, мне хотелось отыскать неопровержимые доказательства ее истинности, вопреки здравому смыслу. Во мне проснулся вдруг азарт игрока, который пусть и принимает собственное наитие за прозрение, отдавая предпочтение красному перед черным, но испытывает абсолютную уверенность, что стальной шарик судьбы сегодня с ним заодно.

То, что за дверью никого не оказалось, смутило меня лишь на миг. Я шагнул в темный коридор и шелкнул выключателем. Под потолком вспыхнула одинокая лампочка, болтающаяся на белом проводе. Под ногами был голый цемент, по потолку тянулись широкие трубы вентиляции, лишь наполовину заделанные гипроком. Приблизительно так же выглядел мой коридор в начале ремонта. Вероятно, виновниками моего затопления стали нерадивые рабочие. Такое уже случалось в нашем новом доме, где три года к ряду шли бесконечные ремонты и сутками гремели дрели.

Я бросился к ванной комнате, навстречу ручейку воды, выбивающемуся из-под красивой двери, неуместной в ободранном коридоре.

– Господи! – громко произнес за дверью женский голос. – Скорее же!

Оглянувшись по сторонам, чтобы убедиться, что, кроме меня, в коридоре никого нет, я глупо спросил:

– Здесь есть кто-нибудь?

– Конечно же есть! – раздраженно ответила женщина из-за двери. – Скорее выпустите меня!

Осторожно подергав дверь, я убедился, что она заперта изнутри.

– Я не могу вас выпустить, вы ведь заперлись.

– Да, я заперлась, – капризно ответила моя невидимая собеседница, – а замок сломался. И мне теперь отсюда не выбраться. Ломайте же дверь, чего вы ждете? Я сижу здесь уже битый час!

Я отошел на несколько шагов и обрушился на дверь тяжестью собственного тела. Это не помогло. Тогда я, изображая матерого каратиста, стукнул ногой куда-то в область замка, и лишь легкий треск был мне наградой, тогда как нога заболела всерьез. Дверь не желала сдаваться моим жалким потугам.

– Она мне не по зубам! – крикнул я. – Может быть, позвонить вашим рабочим?

– Вы с ума сошли, – взвизгнула женщина, – сегодня вечер пятницы, вряд ли кто-то из них еще лыко вяжет. Пожалуйста, милый человек, не бросайте меня, – ее голос стал медовым.

Таким голосом можно уговорить ограбить ювелирторг или зарезать лучшего друга. Я почти сдался.

– Попробуйте еще раз, там что-то уже хрустнуло, – посоветовала она деловито.

Я разбежался, прыгнув на дверь с размаху, преобильно стукнулся о ручку, но чудо все-таки свершилось, потому что я влетел в ванную и по инерции заскользил по мокрому кафелю, поймав по пути в охапку незадачливую хозяйку, закутанную в белое пушистое полотенце.

Проехав вместе с моей драгоценной добычей – огромные синие глаза на загорелом лице, какой-то божественный запах, шелковая кожа – до округлого края огромной ванной, стоявшей в углу, я приложил все усилия, чтобы не свалиться на пол, и это мне удалось.

– Ах, – выдохнула она мне в лицо, когда инерция моего разбега наконец иссякла, и я замер, стиснув ее в объятиях возле зеркального шкафчика.

Возникла пауза. Если мое положение и было нелепым, то назвать его неприятным я никак не мог. Мятное ее «ах» еще щекотало губы, а тонущее в пушистом облаке полотенца тело вызывало неподдельный интерес.

Она первой встрепенулась и, выскользнув из моих рук, рассыпалась в благодарностях. Я сообщил ей, что вода заливает мой коридор, и предложил поискать утечку...

– Кран я уже закрыла, – ответила она. – Больше лить не будет.

Мне потребовалось время, чтобы осознать: несмотря на потоки воды под ногами, все краны перекрыты. Она пришла мне на помощь не сразу, и в голосе ее сквозило великое раскаяние:

– А как бы вы поступили на моем месте? – Она жестикулировала правой рукой, небрежно придерживая левой полотенце на взволнованно вздымающейся груди, отчего я мало внимания уделял ее жестам и много – дыханию. – Я решила принять ванну, а когда собралась выйти... Я стучала и в дверь, и в стены, и даже в пол. Вы, может быть, слышали? Я даже руку разбила...

Она неожиданно резко протянула мне левую руку, на секунду полотенце двинулось вниз, и я похолодел, но правая тут же подхватила пушистые складки, и я подчеркнуто внимательно уставился на царапины, которые она мне предъявила, чтобы скрыть свой нездоровый интерес и неуместный румянец.

– У меня не оставалось выбора, – она теперь тихонько продвигалась в сторону двери, и я шел за ней как ганноверская крыса за мальчишкой с дудочкой. – Я заткнула все раковины и пустила воду, решив – будь что будет. Только так появлялся шанс, что меня найдут раньше понедельника. Разгневанные соседи найдут... Я, конечно, понимала на что иду... Хотя, знаете, я представляла себе разгневанных соседей несколько иначе...

Она говорила и отступала назад по коридору, я шел за ней, не заметив, как она шагнула в комнату. Я все поглядывал на ее правую руку, в тайне надеясь, что небрежность, с которой она

выполняла функцию единственной булавки в ее наряде, вскоре даст какие-нибудь интересные результаты...

– Вы подождете, пока я оденусь, – сказала она, и тут только я осознал, что стою на пороге ее спальни – отремонтированной, шикарной, что она тянет дверную ручку, пытаясь закрыть дверь, а я ей мешаю.

– Мы сейчас все обсудим и уладим, хорошо? – её голос снова налился медом. – Там гостиная, – она ткнула пальцем в конец коридора. – Подождите, я быстро. Я отступил, кивнул и, отыскав гостиную, включил свет. И застыл соляным столбом посреди пятидесятиметровой комнаты, где всю стену занимала фотография моей новой знакомой, лежащей на огромном черном диване, призывно изогнувшись, словно ящерица, и без всякого полотенца на этот раз... Только черный пояс на талии и длинные бусы из крупного черного жемчуга...

Она не заставила себя долго ждать, вышла ко мне, рассыпаясь в извинениях, усадила в кресло перед стеклянным столиком, сама села напротив, ровнехонько под своей фотографией, на черный кожаный диван.

– Сначала – дела, хорошо? – спросила она так, будто я явился к ней на вечеринку.

Она положила передо мной визитную карточку с логотипом известной страховой компании.

– Даже не нужно туда звонить. В понедельник к вам придут мои рабочие, следа от протечки не останется, а люди из страховой компании уладят все остальное. Уверяю вас, – она широко улыбнулась, – вы только выиграете от этой неприятности...

– Похоже, я уже выиграл, – сказал я. – У меня очаровательная соседка.

– Тогда может быть, – она быстро встала и прошла к бару, – выпьем чуть-чуть. За знакомство, и, знаете ли, я ужасно перепугалась. До сих пор не могу прийти в себя. Вот, – она протянула мне рюмку коньяку и, когда я взял ее, провела ладонью по моей щеке, – руки до сих пор ледяные.

Ее прикосновение было неожиданным. Я выпил коньяк залпом. Она не села напротив, так и осталась стоять рядом.

– Вы торопитесь? – спросила она.

– Нет, – ответил я нарочито бодро и протянул ей рюмку: – Может быть еще?

Сказал от неловкости, не понимая уже хорошо, что происходит. Потому что между нами что-то явно происходило.

– Вы – пьяница? – спросила она обескураженно.

– Боже упаси! – Я попытался выбраться из кресла, но она положила мне руку на плечо и легонько толкнула обратно.

– Собственно, это не так уж и важно.

Она протянула мне свою рюмку, а себе налила коньяк в мою. Сделала маленький глоток.

– Как вас зовут? – спросила она.

– Роман, – ответил я.

– А меня...

– Инга, – не удержался я, – кивнув на фотографию за ее спиной. – Там написано...

Вот это все я еще мог осознать, помнил еще, как мы некоторое время сидели с этими рюмками... А потом все произошло как-то очень быстро.

Мы оказались у нее в спальне, и не совру, если скажу, что это была самая потрясающая ночь в моей жизни. Каждое ее прикосновение, каждое слово, каждый жест заводили меня снова и снова. Наверно, мы о чем-то говорили в коротких паузах, только я совсем не помнил о чем. Кажется, один раз она спросила, не ждет ли меня кто-нибудь. А я не ответил, а рассмеялся в ответ. Это было совсем не в моем характере, но я не был в эту ночь самим собой. Эта ночь творила со мной – что хотела. Моя партнерша была изобретательна и неутомима. Я таких не встречал никогда...

Утром я сбегал по ступенькам вниз, к себе. Наполеоном, не меньше. Я был почти уверен в том, что после пары часов короткого здорового сна я приступлю к работе. Парам-парам. Мне хотелось серьезно поработать впервые за последние месяцы, я знал, что написать, все слова разом дозрели и готовы были материализоваться.

Ева поднималась мне навстречу. Едва взглянула. Мне почудилось – презрительно. Кивнула высокомерно.

Мой кивок был уже – к пустому пространству, может быть, поэтому я почувствовал укол раздражения – от неловкости.

Уже у своей двери я понял, что радость моя улетучилась. Как кусочек карбида растворяется с шипением в лужице на радость детям. Чары рассеялись, и наваждение этой ночи схлынуло. Да эта Ева ведьма какая-то! Теперь божественная ночь этажом выше казалась мне событием незначительным, почти пошлым...

Засыпая, я еще подумал: как же ей это удалось? Почему она меня так раздражает? Я уснул, так и не сообразив, что же за ерунда...

6

Паршивец Кира все же сумел пробиться сквозь все преграды, которые я выставил между собой и бессмысленностью творящегося вокруг. Протиснулся в узкую щель реализма, несмотря на габариты борца сумо. Выставил на стол четыре бутылки дрянного пива, дешевле которого была только вода из-под крана, распечатал дорогую кубинскую сигару, предназначенную для апологетов мгновенной смерти от паралича дыхательных путей. После чего посмотрел на меня глазами здравомыслящего человека, и я устыдился приступов мизантропии, своего мартовского заточения, неопознанных страхов.

Почти до самой изжоги, которую вызвала вторая бутылка, я старался делать вид, что мы с ним одной крови, он и я, что мы взрослые нормальные люди, подуставшие от ответственности за этот мир и позволившие себе чуточку расслабиться.

Именно на этом этапе великий психолог Кира сумел втиснуть в мое сопротивляющееся сознание простую мысль, что я – обычный отшельник, прячущийся от мира в свой маленький дом, в свой панцирь.

– Хикикомори, старик, – говорил он, выпуская мне в лицо сизую отраву. – Это – простейшая первопричина. Все остальное – иллюзия. Майя.

Мне страстно хотелось то ли поверить ему, то ли плюнуть в рожу. Замешкавшись и так и не решившись ни на то, ни на другое, я без энтузиазма принялся за третью бутылку.

При всей моей необычной биографии, то есть при моем кочевом детстве и распутной юности, когда большую часть своей жизни я проводил где-то в многолюдном пространстве, выяснилось, как только повзрослел, что я весьма замкнутый человек. Это было открытием для моих многочисленных знакомых, приглашения которых я перестал принимать, на звонки которых перестал отвечать. Но для меня особенным откровением такая резкая перемена жизни не стала.

Мне всегда, с самого раннего детства, было особенно интересно пространство внутри меня. Мне там было хорошо, и я не чувствовал недостатка в ком или в чем-либо. Воображение заменяло мне реальность. Оно создавало мир, который был намного интереснее, ярче, чище и, безусловно, приятнее всего того, что я мог найти, выйдя на улицу, встречаясь с друзьями или даже путешествуя.

Что касается путешествий, то моя память с трудом вмещала названия стран и городов, в которых я растратил свое золотое детство, так и не привязавшись к какому-нибудь пейзажу, месту, дереву, площади, побережью...

Страны моего детства в моем воображении слились в единую книгу сказок с цветными картинками, где серый волк и злая фея были реальными персонажами, замки и лачуги были моими пристанищами. Я не успевал полюбить потрясающую лазурную гладь одного моря, как оказывался на другой стороне планеты, у другого моря-океана, который тоже не успевал полюбить, потому что наша семья вдруг переезжала в пустыню, и старинный замок у моря сменяли шатры посреди безбрежного песка.

Ну что, скажите, я должен был думать обо всем этом? Я чувствовал себя ребенком (но я и был ребенком!), перелистывающим страницы сказочной книги. Но если все нормальные дети действительно перелистывали страницы книг, то я перелистывал дни собственной жизни, собственного детства, и теперь мое детство огромным томом стояло на полке в книжном шкафу, и я не смел прикоснуться к нему, потому что там была сплошная сказка, сказка, в которую не способен поверить ни один нормальный ребенок, выросший в Питере и каждое лето отправляющийся не дальше собственной или съемной дачи на Карельском перешейке или, на худой конец, к бабушке в затрапезную деревню, куда-нибудь в среднюю полосу.

Собственно, о чем это я? Ах да. О затворничестве. Когда я учился в первом классе, а было это в небольшом городке в предместье Лондона, то однажды прибежал домой и поделился с мамой открытием, которое потрясло меня до глубины души.

Впервые в жизни у меня появился друг. Мальчик по имени Патрик сам подошел со мной познакомиться и объявил меня своим другом! Мы болтали с ним целый час, пока нас водили гулять в парк. Он много рассказывал о себе, и жизнь приоткрылась мне с неожиданной стороны. Оказалось, что дети со своими родителями живут в собственных домах или квартирах всегда. То есть постоянно!

Я вбежал домой, кинулся к маме и, взхлеб рассказывая о первом в своей жизни друге, выпалил: «Они живут в собственном доме! Представляешь? Они живут там всегда!»

Мама усмехнулась и поведала мне, что так живет все человечество, за редчайшим исключением, которым является моя семья, и, может быть, еще какие-то люди, беженцы, например, сказала моя мама. Я не понял, кто такие беженцы, но осознал, что Патрик не шутил и что все-все люди на свете живут в своих домах, в своих квартирах, в своих замках постоянно. То есть они рождаются там и умирают там. Нет, конечно, они куда-то ездят, но ненадолго и всегда возвращаются в одно и то же место, которое зовется домом.

Я был потрясен. Мир перевернулся для меня с ног на голову. Родители не догадались даже намекнуть мне, маленькому скитальцу, что люди (все люди, оказывается!), с которыми я знакомился и встречался все это время, вовсе не колесили по странам и континентам, как мы, а жили себе спокойно в одном месте. Я-то думал, что с нашим отъездом место, которое мы покинули, бесповоротно меняется. Соседи исчезают и появляются новые. Они говорят на других языках, едят абсолютно другую пищу, носят иную одежду. А выходит – ничуть не бывало! Выходит, весь мир стоял на месте, а только мы колесили по нему, только мы...

– А у нас есть дом? – спросил я маму.

– У нас везде дом, – ответила она. – Разве тебе не нравится?

– Но – дом, такой же как у всех, у нас он есть?

Мне в то время совсем не хотелось так разительно отличаться от остальных детей, мне казалось, что дети не станут со мной играть, если окажется, что я не такой, как они.

– Наш дом остался в Ленинграде, – сказала мама. – Там живет папин отец, твой дедушка, мы обязательно когда-нибудь навестим его...

Вы фантазировали в детстве о дальних берегах? А я о маленькой своей квартирке, единственном статическом объекте в круговерти моей реальности.

О крошечном объекте, который не заставит удивляться, менять язык, привычки, знакомства, близких. О месте, где можно укрыться от невыносимо быстро меняющейся действительности...

Так вот я и вырос. У меня был ровно один миллион друзей, после той встречи с моим первым другом. Второй миллион появился, когда я вернулся в Питер и поселился у деда. Школьные приятели, потом – однокурсники. Но уже тогда, впрочем как и в детстве, мне хватало своего собственного общества и двух метров стола или дивана, чтобы чувствовать себя особенно хорошо.

Чем старше я становился, тем менее важными казались мне встречи с друзьями, все более скучными алкогольные посиделки, в конце концов мне пришлось смириться с тем, что с самим собой наедине мне было гораздо интереснее, чем с ними. Поэтому среди приятелей моих сохранился только Кира, который наблюдал за мной то ли с интересом медика, которым не являлся, то ли из милосердия и сострадания, в которых не нуждался я.

Но, так или иначе, Кира оставался со мной, должно быть, до конца моих дней...

Третья бутылка пива отчего-то пробудила воспоминания о встрече с Евой, и я враз про трезвел. Вся Кирина затея с приобщением меня к общечеловеческим ценностям полетела

в тартарары. Наши посиделки показались мне теперь не просто скучными они вызывали у меня такое же чувство, что и предстоящие мартовские хляби. А сам Кира показался ограниченным и хищным. Не умея понять моих болезней, он пытался лечить их как бывалый армейский фельдшер – касторкой и пирамидоном, когда мне необходим был, быть может, шаман самой высокой квалификации.

Но, кроме Киры, у меня никого не было, а поделиться новостями последних дней очень хотелось, несмотря на пульсирующее в пространстве раздражение.

Я протянул Кире письмо в голубом конверте. Он прочел, повертел в руках конверт, пожал плечами:

– Ты дал свой новый адрес кому-то из старых пассий?

Я покачал головой. Вот о чем я не подумал. Новый адрес. Конечно, я никому его не дал. Ни адрес, ни телефон. На старый номер мне порой звонили бывшие подружки, и я был счастлив, что так легко от них отделался.

Наш диалог вяло сошел на нет, состояние не годилось для бодрых обсуждений. Я включил «Аквариум», и под песню «Человек из Кемерово» мы снова приложились к пиву. Надолго, в полном молчании. Потому что сумка Киры была бездонной, и бутылки возникали на столе одна за другой. На девятой я сбился со счета и затянулся кубинской сигарой. Горло ободрало, но приобщило к касте суперменов. Захотелось расправить крылья и кого-нибудь немедленно спасти. Но никто в мире не нуждался в моей защите...

Кира уже не пытался говорить со мной, но в воздух время от времени еще отпускал какие-то замечания. Комната наполнялась его бормотанием, которое мне было лениво разбирать, и только в самый последний момент, балансируя между вменяемостью и ее отсутствием, когда Кира отказался от предложенного комплекта белья и завалился на мой диван, я разобрал его последние слова:

– На твоём месте я бы не отмахивался так легко от этого письма, я бы призадумался...

Засыпая, я увидел Еву. Как она поднималась тогда мне навстречу. Я увидел ее лицо совсем близко. Окаменелые черты. Безразличие. То самое безразличие, которое насквозь прошло мое сердце. Выходит, я страдал от того, что был ей безразличен? Это было какое-то безумие.

7

Следующий день был окрашен в мрачные тона последствий визита Киры. И я уже не хотел, а не мог физически заниматься чем бы то ни было, а потому между кофе и холодным душем читал дневник.

«Как все это началось? Я пытаюсь вспомнить все до мелочей.

Все началось весной. Ранней весной.

Шел 1928 год. Я выступала в большом ресторане. Довольно успешно. Каждый вечер – аншлаги, меня узнавали на улицах. Забыла сказать – я была певицей. (Хотя мне странно говорить это тебе – ведь ты все помнишь. И так все знаешь, ведь правда?)

Может быть, в самом начале того далекого дня были какие-то знаки, указывающие на его фатальность, но я совсем не помню их. Утро было привычно серым, но, когда я вышла из дома, что-то заныло в моей груди: призывный ли дух весны, предчувствие ли – бог весть. Но я впервые решила пройти пешком, не дожидаясь машины, которую присылали за мной каждый вечер. Тем более что времени до выступления было еще предостаточно, а я так редко оказывалась на улице в одиночестве...

Пока я шла по узким улочкам, мне то и дело кивали незнакомые люди. Один весьма прилично одетый господин даже бежал за мной следом, чтобы взять автограф. Мне все это льстило с одной стороны, но с другой – хотелось побыть наедине с наступающей весной, которая вот-вот должна была прорваться и уничтожить бесконечный снежный покров, укутавший город еще полгода назад...

Я свернула к реке, намереваясь пройти по набережной. Повернула за угол, и тут-то мы с ней столкнулись.

Маленькая пугалица в обносках.

Она упала.

Мне стало неловко в своих мехах перед этой бедняжкой, и я подала ей руку, помогая подняться.

Пальцы у неё были ледяные...

Почему-то мне сейчас подумалось, что ты можешь позабыть все. Я ведь не знаю, как это случается каждый раз – наша новая жизнь. Если ты не сумела пронести память через время или сочла свои воспоминания детскими снами... С какой стати тогда тебе читать мой дневник? С какой стати...»

«Да, – подумал я. – С какой стати я это читаю», – и собирался уже отправить его на место, когда следующие строчки заставили меня задержаться на мгновение:

«...Если только ты не будешь знать, что они сделали с нами. Ты – это я. Поэтому – с нами. И если ты ничего не предпримешь, если доверишься незрячей судьбе – все повторится с тобой в твоём времени, в твоей жизни. Переверни же страницу, я собрала несколько доказательств своего существования. Правда, много позже, во вторую свою жизнь. Мне пришлось красть из архивов старые газеты, но я все-таки отыскала...»

Я перевернул страницу.

Передо мной была старинная фотография красивой женщины, окутанной невесомыми мехами, в шелковом платье и кокетливо нарядных ботиночках. Сколько я ни видел таких фото из архивов, да что там далеко ходить, мой дед в молодости тоже пару раз наведлся в ателье фотографа (щеголеватым молодцом в лакированных штиблетах), люди на них всегда удивительно прекрасны. Я плохо разбираюсь в фотографии, наверняка художники тех лет пользовались какой-нибудь специальной ретушью, что ли, чтобы облагородить черты своих пользователей. Но даже современный фотошоп не может придать чертам такую изысканность, а взгляду –

глубокомыслие. В этом взгляде словно отражается судьба человека, но мы понимаем это только через годы, когда снимок попадет в наши руки сквозь время.

Так вот, у прекрасной женщины на снимке глаза светились шекспировской трагедией, словно она знала все то, что с ней случится, то, о чем я узнал, листая страницы, вглядываясь в газетные вырезки.

На следующей странице был кусок плотной бумаги – обрывок афиши. Дальше одна за другой шли газетные статьи, где восхваляли волшебный голос некоей Розалинды, муссировали тайну ее происхождения, делали прозрачные намеки на то, что происхождение это, должно быть, высокое и даже очень высокое, а также время от времени упоминали о ее связи с известным поэтом Карским, отпрыском знаменитого княжеского рода, который не бежал в Париж вместе со своими родичами, а поддержал революцию и большевиков, оставшись в Петербурге, и даже добровольно передал свой дом на Малой Морской для нужд рабочих и крестьян.

Только последняя фраза и напомнила мне о том, что передо мной газеты славного революционного времени, а все остальное сильно смахивало на сегодняшнюю желтую прессу.

Прочитав еще пару статей, я уяснил, что певица Розалинда и поэт Карский были звездами некоторой величины для Санкт-Петербурга той поры, хотя, возможно, звездами именно желтой прессы, потому что ни одного сообщения об их существовании в каких-то всероссийских или городских официальных газетах не встретил, тогда как, имея они место, наверняка бы им отвели почетную страничку в этом альбоме.

А вот следующая страница была как раз из официальной газеты. И хотя попала статья все-таки не на первую полосу, а на третью, занимала она практически всю страницу. «Удел слабых» – гласил заголовок. Я пропустил обширное и путаное вступление с рассуждениями о том, что есть истинное понимание революции и революционных чувств, остановившись на фотографии. Она была очень плохого качества, и разобрать на ней не представлялось возможным практически ничего, кроме обстановки: большой зал ресторана, круглые столики, скатерти с оборками, за столом, ближайшем к объективу, сидят двое в странных изломанных позах. А рядом стоит женщина. Явно вскочила из-за стола, потому что в одной руке у нее салфетка, свисающая до пола, а другой она закрывает глаза, позади – перевернутый стул.

Я снова принялся читать статью, уже ничего не пропуская. В ней сообщалось, что поэт Карский, оказавшийся неожиданно для всех предателем и контрреволюционным элементом, разыскивался властями и, благодаря сообщению преданного защитника революции, пожелавшего остаться неизвестным, должен был быть арестован в ресторане «Русь», где весело проводил время. Однако, когда сотрудники НКВД появились в ресторанном зале, Карский, словно ожидая такого исхода и, уж конечно, тем самым подтверждая свою глубокую виновность, вытащил из кармана кольт и пустил себе пулю в висок. Растленное влияние, которое оказывал Карский на умы своих почитателей, оказалось столь сильным, что присутствующая за столом юная танцовщица, некая Эльза, подняла револьвер и последовала его примеру в считанные секунды. В ресторане началась паника, дамы падали в обморок, публика бросилась к выходу, что привело к массовой давке, в результате которой несколько человек было покалечено.

Я перевернул еще одну страницу и увидел тот же снимок, на сей раз совершенно отчетливый. В статье под ним рассказывалось о том, что непосредственной свидетельницей двойного самоубийства, произошедшего вчера в ресторане «Русь» и потрясшего весь город, оказалась певица Розалинда, делившая столик с самоубийцами. Она, скорее всего, могла бы пролить свет на столь неприятную историю, а возможно, была и в курсе намерений самоубийц, однако со вчерашнего дня Розалинда пропала.

Газетчики поджидали ее у особняка, где она квартировала, и в кабаре, где она должна была вечером выступить, но Розалинда не появилась у себя дома, не вышла она и на сцену.

Следующие статьи повествовали о так и не нашедшейся Розалинде, красочно расписывая всевозможные версии ее исчезновения, начиная с бегства с богатым любовником, заканчивая уходом в глухой провинциальный монастырь.

Женщина показалась мне настолько реальной, что теперь я переворачивал страницы с неподдельным интересом.

«Я напому тебе, как случилось, что из невесты поэта Карского я превратилась в его соломенную вдову, несчастнейшую из женщин на свете.

Он являлся на каждое мое выступление. Наши отношения начались в середине февраля. Они были идеальны – любая женщина может только мечтать о таком поклоннике, друге и будущем муже.

Романтика, стихи, чувства – все слилось в единую прекраснейшую любовь, которая вот-вот должна была перерасти в более прочную связь, в брак. Я жила мечтами о том дне, когда он сделает мне предложение, мечтами об эмиграции, о лучшей жизни где-нибудь в Вене или Париже.

И вот, наконец, он сказал мне, что завтра непременно должен поговорить со мной о чем-то очень важном.

– А сейчас? – спросила я, понимая улыбаясь. – Что мешает нам поговорить сейчас? К чему откладывать важные вещи?

– Не знаю, но – завтра. Не могу объяснить, – отозвался он. – Просто шестое чувство подсказывает мне, что завтрашний день будет каким-то необыкновенным в моей жизни.

Я промолчала с улыбкой. Я опустила глаза. Он говорил еще что-то, а я уже погрузилась в мысли о завтрашнем дне, о том, что надеть, как держаться, что отвечать. У меня не было сомнений.

И вот на завтра перед выступлением, повинувшись какому-то фатальному предчувствию, я впервые решила пройти пешком, не дожидаясь машины, которую присылали за мной каждый вечер.

Я свернула за угол, и тут-то мы с ней столкнулись.

Маленькая пигалица в обносках. Она упала. Мне стало неловко в своих мехах перед этой бедняжкой, и я подала ей руку, помогая подняться.

Руки у нее были ледяные...

То ли она была такая жалкая, то ли от предстоящего счастья я ощущала себя условно высшим существом. (Да к тому же существовала еще и совершенно прозаическая причина: моя горничная была на сносях и я часто думала о том, как бы избавиться от нее и нанять новую, более расторопную девку.)

– Мне так неловко, – прошептала она, поднимаясь, – просто голова закружилась.

И пошатнулась.

– Где вы живете? – спросила я. – Может быть, вас проводить...

– Нет-нет, – она тут же отняла у меня руку, но, чтобы не упасть, ухватилась за стену дома. – Мне уже лучше! Гораздо лучше!

– Перестаньте лгать, – сказала я ей прямо. – Дайте угадаю – вам некуда идти и с утра вы ничего не ели. Так?

Она слабо усмехнулась.

– Со вчерашнего дня, – поправила она. – А идти мне и вправду некуда. Я приехала на работу, но вакансия моя оказалась занятой... А денег на обратный билет нет, я сюда-то с трудом наскребла.

– Идите за мной, – велела я и повернула назад, к своему дому.

По дороге мне подумалось – не воровка ли она и что оставлять ее у себя – полное безумие. Одно дело – когда и в домоуправлении придется представиться, и с кухаркой поладить...

Что она с радостью согласиться служить у меня, сомнений я не испытывала. Да и она, мне кажется, понимала мое намерение, поэтому и пошла за мной.

Я так и не решила, что же с ней делать. Выручил автомобиль, который как раз отъезжал от моего подъезда.

– Розалия Сергеевна, голубушка, – выскочил взъерошенный Пяткин. – А мне сказали – ушли вы. Я вот назад уже собирался. Как же так – не дождались! Раньше прикажете заезжать?

Говорил со мной, а сам косил на мою подопечную, явно недоумевая, что у меня за компания.

– Вот и прелестно, что мы не разминулись. Поедем.

Я, не оглядываясь, махнула девчонке. Она решительно сунула ридикюль Пяткину и юркнула за мной в машину.

Вряд ли она когда-нибудь в такой ездил. Глаза ее горели восторгом. На щеках проступил румянец. Мы поехали.

Далее – нагромождение случайностей и моя опрометчивость. Если бы знать! Но – были, были же тревожные звоночки, которых я не услышала или не поняла. Разве села бы обычная уличная девчонка вот так запросто в авто, не задав ни одного вопроса, с восторгом глядя в окно и отдавшись на волю Бога? Не поблагодарив и даже не удивившись.

Она была дерзкой, эта девчонка, вот чего я не разглядела с самого начала. Она не ведала страха. А я ее молчание по дороге приняла за восторженное смятение, а потому лишь высокомерно улыбалась время от времени, представляя, что сейчас творится в ее душе. Я судила по себе – это первая моя ошибка. Она была совсем другой. Совершенно из другого теста! К тому же я была влюблена, а значит – близорука, я была уверена в своем счастье, а значит, и в себе в этот день необычайно. В конце концов, я была мудрой, взрослой, богатой и известной женщиной, а она – девчонкой-оборвашкой, подобранной мною на улице.

Пока мы ехали, я и думать о ней забыла. Меня одолевали грезы. Он сделает сегодня предложение. Я тонула в блаженстве от одного предвкушения. Он был единственным смыслом моим в этой жизни. И с сегодняшнего дня нам предстояло объединить свои судьбы навек. Чтобы даже смерть не разлучила нас.

Выйдя из машины у театра, я подумала, что стою в двух шагах от своего счастья, которое теперь никогда не кончится.

Я забыла о ней.

Не дожидаясь моего приглашения, она самостоятельно выбралась из автомобиля и, задрав голову, рассматривала лепнину над аркой.

– Пойдем, – я слегка кивнула ей, чтобы шла за мной.

Только теперь мне пришла в голову мысль о том, что именно сегодня девчонка-то мне и ни к чему. Вдруг он захочет провести вечер и ночь у меня? К чему мне ее присутствие? Может быть, оставить ее ночевать в гримерной? Комната просторная, к тому же есть удобная софа. Почему бы нет? Нужно только договориться с администрацией, а завтра я ее заберу.

Мы прошли через пустой еще зал, где сонно слонялись официанты. Я увидела Николая и направилась прямо к нему, кивнув лишь бегло в знак приветствия хозяину заведения – Илье Петровичу. Я протянула ему обе руки, и он поднял их выше, к своим губам. Но поцелуй был не такой как вчера – длинный, со значением. Он удивленно смотрел на мою попутчицу, которая – нужно же быть такой идиоткой! – стояла прижавшись ко мне и во все глаза рассматривала Николая.

– А кто это с тобой? – спросил он улыбаясь.

– Эльза, – ответила она вместо меня и протянула ему руку... для поцелуя.

Он не просто смутился – опешил. Это было очевидно. Но как человек воспитанный, к тому же приняв несносную девчонку за мою родственницу, конечно, он поднес ее руку к губам и поцеловал.

– Совершенно ледяные руки, – сказал он ей и, обернувшись, крикнул: – Семеныч, принеси-ка нам чаю, да погорячее.

А тут уже и Илья Петрович извечно плотоядным взглядом рассматривал девчонку, перехватывая ее руку у Карского и касаясь кончиков пальцев губами.

– У-у-у – тут чаем не обойдешься, верная мерзлота какая-то. Семеныч, водки тащи. Вы, братьяшны, не местная, что ли? Пальтишко на вас совсем не по сезону, да и перчатки поди. Так и обморозить руки-то недолго. Да и губы у вас, простите меня, синие, как у покойницы.

Она расхохоталась как ребенок. Стояла себе в центре нашей компании, словно в центре вселенной, и смеялась.

Я уже несколько раз пыталась вступить в разговор, предупредив всех, что бойкое существо с синими губами и с таким неподходящим для нее вычурным именем Эльза – без двух минут моя новая горничная. Но тут подоспел Семеныч с самоваром и с графином водки. Николай наливал чай, а Илья Петрович растирал Эльзе руки водкой, с удовольствием глядя, как она морищится от боли и прикусывает нижнюю губу.

– А как ты хотела, душа моя, – терпи теперь, терпи...

Я вдруг подумала, что все это похоже на водевиль, с вечным избитым сюжетом, где все принимают простолюдинку за графиню, ведут себя с ней подобающе, а она оказывается на поверку служанкой, и все стыдятся своих усилий. Хорошо, пусть еще немного поусердствуют, а потом уж я выведу ее на чистую воду, и этот водевиль мы закончим.

– А теперь внутрь, внутрь, душа моя, тогда уж никакая холера тебя не возьмет.

Илья Петрович налил Эльзе водки и с энтузиазмом знатока женских слабостей совал стаканчик к лицу, а она морищилась, крутила головой:

– Да я отродясь этой гадости не пила...

– А лекарство горькое пила, когда болела? Так вот это тоже лекарство, тоже горькое, но гораздо лучше, – подмигнул он Карскому, – против него никакая болезнь не устоит.

– Но я же не больна!..

– Так заболеешь, коли не выпьешь!

Она с ужасом посмотрела сначала на меня, потом на Николая. И он сказал ей отеческим тоном:

– Нужно!

Эльза мужественно отхлебнула из стакана, закашлялась.

– До дна, до дна, – подначивал Илья Петрович. – Иначе какой же в ней смысл?

Она еще раз посмотрела на Николая и выпила водку залпом, на этот раз даже не поморщившись, а лишь с шумом переведя дух.

– А теперь усаживайтесь и – чаю, – подвинул ей чашку с блюдцем Карский.

А неугомонный Илья Петрович уже вертелся возле меня.

– Богиня наша, а за вами-то и поухаживать некому, – он принял мою шубку, передал Семенычу. – А у меня беда, знаете ли...

Мы с ним одновременно присели за стол, при этом я не сводила глаза с Николая, а он – с Эльзы.

– Танцовщица наша, Любка, помните ли ее? Ногу сломала, злыдня! Это в самый разгар сезона. Где ж я ей теперь замену-то найду?! Все приличные танцовки уже ангажированы. К балетным сунулся, так те такие деньги заломили, что впору ресторан продавать. Уж и не знаю, как выкручиваться...

– К чему вы клоните, Илья Петрович? – строго спросила я.

– Голубушка, недели на две не выручите ли? Что вам стоит кроме своих трех дней остальные – ну хотя бы по часику...

– О, уважаемый! Да вы хотите, чтобы я как на службу к вам ходила. Шесть дней в неделю – один выходной? Голос ведь вещь хрупкая!

– Ну уважьте старика, – бормотал Илья Петрович, который стариком вовсе не был, зато страстно любил глупые купеческие обороты. – Я не постою за ценой, в разумных пределах, естественно, но для вас...

Он нагнулся к самому моему уху и прошептал:

– Для вас ничего не пожалею.

– Нет! Я слишком себя уважаю, чтобы вот так разбазаривать свой талант. К тому же у меня совсем иные планы...

Об этих иных планах я не забывала ни на минуточку все это время: у меня венчание, у меня медовый месяц, а вы тут со своим кабаком лезете! – хотелось мне выкрикнуть ему.

– ...иные планы, – сказала я и посмотрела на Николая.

А он будто только и ждал этого.

– Я как раз хотел вставить словечко – ты позволишь?

У меня сердце в пятки ушло. Неужели прямо сейчас, при всех он раскроет наши планы и...

– Лиза может вам помочь, – сказал он.

Ни я, ни Илья Петрович сразу и не поняли кто такая Лиза, как именно и кому из нас она может помочь. Девчонка между тем молча вперилась в Илью Петровича, словно хотела его загипнотизировать, а Карский продолжил:

– Ее зовут Елизавета, Лиза. Эльза – это ее сценическое имя. Она танцовщица.

Новость была настолько для всех нас ошеломительная, что никто не решился вымолвить слово, чтобы не расхохотаться быть может. Поэтому несколько секунд все мчали, и только слышно было, как стучат ножи и вилки в руках официантов, накрывающих столы к ужину.

– Танцовщица? – В голосе Ильи Петровича радости совсем не было, один только скепсис.

Он разглядывал маленькую девчонку с птичьим личиком и птичьей фигуркой, сравнивая ее с роскошной пышнотелой Любкой. «Ни одного шанса! – мысленно поставил он ей оценку. – Ни единого!»

– А где вы танцевали? – осведомился он кисло.

– Можно я покажу? – Лиза почему-то обратилась с этим вопросом не к Илье Петровичу, а к Николаю.

– Почему нет? – улыбнулся он.

И только тогда она перевела взгляд, полный мольбы, на Илью Петровича.

– Хорошо, – сказал он без всякого энтузиазма.

Несмотря на кажущуюся словоохотливость, он вовсе не был любителем тратить время попусту. Одно дело – обхаживать нужного ему артиста, и совсем другое – смотреть на пропащую танцовщицу, которая – он мог бы определить с одного только взгляда! – конечно же, не подойдет ему.

Но он не смирился с моим отказом заменить Любку и собирался, вероятно, затеять щепетильный разговор о гонорарах, а потому девчонка на сцене была в его пользу. Не крайняя ситуация, видите ли, есть варианты, а потому и гонорар мой за дополнительные выступления можно было бы и не задирать особенно.

– Хорошо, посмотрим. Нужен вам реквизит какой-нибудь? – продолжил он вставая и подзывая Семеныча.

– Ридикюль, – Лиза уставилась теперь на меня. – Мой ридикюль.

– Может быть...

– Там мой костюм! Принесите, – обратилась она властно к Семенычу.

Тот бросился исполнять. Лиза направилась за ним, а Илья Петрович вслед ей крикнул:

– Музыку какую прикажете?

– Канкан, – обернулась она, сверкнув глазами, и вышла.

Илья Петрович рухнул на стул, замычал как-то невнятно, то ли смех изображая, то ли слезы. Налил в стаканчик водки, опрокинул, взял щипчиками кусочек сахара, забросил в рот и, подперев голову руками, уставился на меня.

– Голубушка, – сказал он тоскливо, – где вы ее взяли?

Момент истины наступил.

– На улице, – ответила я просто.

– Как на улице? Что значит на улице? – залопотал Илья Петрович. – А я-то думал, ваша родственница какая-нибудь дальняя. На улице... Хм... Это как-то все меняет, знаете ли... Может, и смотреть не станем, ну ее. Какая из нее Любка? Она ей и в подметки не годится.

Я могла бы сказать ему: конечно, не будем. И никогда бы больше не увидела эту девчонку. Но она настолько расстроила мои планы, что мне захотелось покуражиться над ней.

Канкан, говоришь? Прекрасно. Посмотрим на твой русский народный деревенский канкан. Нет ничего смешнее бездарности. А потом я обязательно соглашусь на предложение поработать в те вечера, когда выступала Люба. За двойную оплату. Нет, за тройную. У меня ведь венчание скоро. И только две недели. А потом – хоть потоп!

– Пожалуй, оставляю вас, – поднялась я, понимая, что поговорить с Карским наедине сейчас не удастся. – Мне пора готовиться к выходу.

Мужчины поднялись вместе со мной. В лице Николая светилась недосказанность, огорчение по поводу столь сумбурного начала вечера, нашего вечера. Но я улыбнулась ему ободряюще, и он улыбнулся мне в ответ. Илья Петрович прищурился:

– Чувствую, необычный сегодня выдался вечер, – сказал он, потирая руки.

«В курсе», – подумала я. И он тоже в курсе. Хотя вряд ли кто-то не догадывается о наших отношениях и планах.

Навстречу мне попался Семеныч:

– Мадемуазель спрашивает про музыкантов...

Я открыла дверь своей гримерки и остолбенела. Посреди комнаты стояла обнаженная девушка с распущенными огненно-рыжими волосами.

Она бросилась ко мне, ухватила за руку, крепко сжала своими все еще холодными пальцами, и только тогда с огромным трудом я узнала в ней своего найденыша Лизу.

– Вы фея, – говорила она, – вы самая настоящая добрая фея. С самого начала... Мне просто не верилось... Вы – ангел! С самого начала... все, чего я так желала... Все сбылось! Я не знаю, как благодарить вас.

– Не стоит благодарности.

Я тем временем внимательно изучала ее, прежде чем поняла, что она вовсе не обнаженная, а в наряде, достаточно искусно сшитом, чтобы создавать иллюзию обнаженного тела, тогда как практически все тело было окутано шелком или прозрачным газом, сквозь который при всем желании ничего было не разглядеть. Но каков эффект!

– К тому же Илья Петрович не брал на себя никаких обязательств, как вы, надеюсь, понимаете. Он только оказал вам любезность, не более того. Не стоит так волноваться и надеяться на чудо, чтобы не пришлось потом сожалеть горько. Лучшие все принимать спокойно, поверьте мне...

– Ах, – протянула она. – Как вы правы! Вы – святая. Судьбоносная святая. Илья Петрович меня примет, я даже не сомневаюсь в этом. Но даже если и нет, все равно сегодня самый счастливый день в моей жизни.

Мне очень захотелось спустить ее с небес на землю.

– Неужели самый? – улыбнулась я язвительно.

Но она даже не заметила раздражения в моем замечании.

– Да!

Пора было отделаться от нее, мне скоро предстояло выйти на сцену, и сегодня я должна была выглядеть так, как никогда. В дверь робко постучала Настя – девушка, которая помогала мне с прической, заглянула и в ужасе уставилась на Лизу.

– Тогда – смело вперед, покорите сначала эту сцену и ее хозяина, – я подтолкнула Лизу к двери. – И еще: постарайтесь не тревожить меня до выступления. Ваши вещи Настя заберет к себе – ее дверь напротив.

Я осторожно вытолкала ее и закрыла дверь на ключ.

– Кто это? – ошумело протянула Настя. – Что это на ней такое?!

– Танцовщица, – отмахнулась я. – Чрезвычайно самоуверенная девица.

– Вот все попадают-то! – простодушно сказала Настя.

– Довольно с меня балагана, – я устала скрывать свое раздражение. – Начинай...

В следующий час Настя соорудила на моей голове совершенно фантастическую прическу и отутюжила бант на новом платье, доставленном в театр еще вчера от портного. Белила и румяна сделали свое дело, и я долго не могла оторваться от своего отражения в зеркале.

– Вы прям как королева! – прошептала Настя, когда все приготовления были закончены.

И несмотря на то, что мне не было неприятно ее замечание, я нахмурила брови, сунула ей денег и строго сказала:

– Присмотри за этой моей протезе. Чтобы не рвалась ко мне ни с радостями, ни со слезами. Мне нужно побыть одной перед выходом на сцену. И вещи ее заберите...

– Розалия Сергеевна, а правда ли, что вы горничную подыскиваете?

– Потом, Настя, потом...

До начала выступления оставалось еще довольно времени. Около получаса. Но что-то подсказывало мне, что Николай может прийти ко мне именно сейчас. Удивительная это вещь – радостные события, которые случаются с тобой наверняка, и ты знаешь об этом, но все равно ждешь их как ребенок рождественских подарков. Такое ожидание самое сладостное, наверно. Дети ведь тоже ждут и надеются, вечно у них в голове разные глупости про сладости или игрушки, и ожидания оправдываются редко, то слишком долго ждешь впустую, то неожиданное сваливается на голову нежданное счастье, которое от своей нежданности не может быть полноценным, потому что приходит без предвкушения. А рождество – здесь и предвкушение, и ожидание обещанного, и даже гарантия, что обещанное непременно сбывается.

Он не пришел, но я так разомлела от предвкушения, что готова была растянуть его еще на пару часов моего выступления. Это ведь будет последняя пара часов. Время – песок в моих руках, и оно уже почти на исходе. Драгоценные песчинки!

Меня позвали на сцену, и, выходя, я пребольно ударила локтем о дверную ручку. Тело пронзила острая боль.

Миновав коридорчик, отделяющий сцену от моей гримерки, я остановилась в дверном проеме, пытаюсь справиться с болью, которая все еще окончательно не улеглась. Мне был виден зал, я залу – недоступна. Была еще какая-то мысль, последняя житейская мысль в моей голове, самая последняя. Я думала о том, что будет синяк, и хорошо, что нынче зима, руки закрыты... Как вдруг увидела совершенно отчетливо его столик и рядом – мою маленькую протезу. Он улыбнулся, встал и подал ей руку, она протянула свою, и они направились к выходу. Подчиняясь какому-то животному порыву, я стремительно шагнула за ними, вперед, и... Зал встретил меня аплодисментами.

Я оказалась в ловушке сцены, а швейцар закрыл за ними дверь.

Несмотря на аплодисменты, публика принимала меня не так, как обычно. В зале постоянно переговаривались, что-то оживленно обсуждали, я даже, помнится, решила про себя, что причиной, скорее всего, какой-нибудь новый указ, на которые нынешняя власть была весьма плодотворна.

Только гораздо позже я узнала, что причина такого ажиотажа – выступление непосредственно передо мной некоей феноменальной танцовщицы с совершенно немислимой композицией. Меня слушали вполуха. Обсуждая ее. Но я тогда этого не поняла и даже не заметила рассеянности самых преданных моих адептов. Я была почти больна. В голове стоял туман, мешающий сосредоточиться, а рука все ныла, заставляя думать, что травма, которую я получила перед выходом на сцену, гораздо серьезнее, чем мне показалось сначала.

Только закончив выступление, за кулисами я распрямила руки, которые держала полусогнутыми, пока пела, и потеряла сознание от боли. Хорошо, кто-то из музыкантов, случайно оказавшихся рядом, успел подхватить меня. В больнице мне наложили гипсовую повязку, да там и оставили, потому что от крайнего нервного перенапряжения и коридорного холода у меня приключилась горячка.

Он пришел ко мне в больницу на следующий же день, когда выяснил, что со мной произошло и где я. Но я не захотела его видеть. (Не здесь же – в несвежих казенных простынях, с растрепанными волосами, с отекившим лицом...) Сестричка сказала, что я никого не принимаю до своего возвращения домой. И он ушел... А я даже не подумала о том, что наделала... Вот и все. Так все и кончилось. Я не получила обручального кольца.

Когда я вышла из больницы, они уже были парой. Она выступала вместо танцовщицы-Любки и вместо меня. У нее был успех. В зал втиснули еще десяток столиков, и все были заняты.

Как-то я случайно увидела их из авто, неподалеку от особняка Киесинской.

Он смеялся. Это было непривычно. Такой сдержанный всегда, редко улыбающийся. А тут не просто смеялся – хохотал. А она висела на его руке, тянула голову к уху и что-то говорила. Одета была совершенно недопустимо. Но в этой недопустимости сквозило что-то по-французски стильное, новое. Он присылал цветы. Я не ставила их в воду, мне доставляло удовольствие смотреть, как они умирали на полу в коридоре. Он пришел через неделю, но я не приняла его. И долго еще просидела в спальне, прислушиваясь к звукам. Надеюсь, что он не примет отказа, поднимется, войдет... Я почти слышала его перебранку со швейцаром, шаги на лестнице...

Но он не пришел. А букет, присланный на следующий день, оказался последним. Коридор мой напоминал кладбище: девять мертвых букетов. Я не позволяла кухарке, которая теперь прибирала в комнатах, прикасаться к ним. Решила выбросить вдруг, неожиданно даже для самой себя. Стала хватать хрустящие засохшие венки, и тут из них посыпались записки.

Проснулась надежда. Но так же быстро угасла. Восемь одинаковых записок «Нужно поговорить» и одна, наверно последняя, – «Прости».

Она меня и задела больше всего. Прости – и все?! Только одно слово заслужила я за свою любовь?

8

*Теперь про тот злополучный день
Который я никогда не забуду.*

Наверно, я долго шла по улице. Может быть – очень долго. Это был последний день апреля, предзакатное солнце заливало город...

Я пришла в себя довольно далеко от ресторана. Редкие прохожие смотрели на меня с ужасом. Еще бы! Мое розовое шелковое платье было сплошь в кровавых пятнах. Их кровь... И если издали можно было принять причудливые пятна за узор, то уж вблизи...

Удивительно, что меня еще никто не остановил. Я была похожа на мясника со скотобойни. Свой смех я услышала со стороны. Парочка, шедшая мне навстречу, шарахнулась с тротуара на мостовую, стараясь держаться от меня как можно дальше. Я взглянула на свое отражение в витринном окне, поправила выбившиеся локоны, и, на свое счастье, увидела захудалую кондитерскую на углу.

Мне нужно было подумать. За столиком в темном (опять же – на мое счастье!) полупустом зале я битых полчаса выбирала между пражским тортом и наполеоном, как будто от этого зависела моя жизнь.

Кондитерская закрывалась, но немолодая уставшая женищина готова была подождать – не каждый день к ней заглядывали богатые дамы. Наверно, совсем никогда не заглядывали. Поэтому она мялась неподалеку, боясь подсказать мне что-нибудь, как поступала с другими своими завсегдатаями.

Я заказала два пончика и, прочитав на лице женищины досаду (выбрала самое дешевое), заказала еще, к ее великой радости и удивлению, три безе, два наполеона и вдобавок какие-то булочки с изюмом. Бедная женищина обрадовалась, спросила не уложится ли мне часть заказанного с собой, у нее есть нарядные коробки, но тут я прибавила к заказу пятьдесят рублей и положила их перед ней на столик:

– Я хочу остаться здесь на ночь.

Преступницей ли, сумасшедшей она сочла меня, не знаю, но бросив взгляд на деньги (таких и за полмесяца не заработаешь!), превратилась в мою союзницу.

– Как вам будет угодно, – прошептала она и с видом заговорщицы добавила: – Здесь за буфетом комнатка, сама ею пользуюсь, когда случается нужда. Прикажете еще что-нибудь?

– Нет, – ответила я равнодушно. – Ничего не нужно.

– Вам бы платье сменить, – подсказала она. – Нельзя ведь вам так потом на улицу... Я могла бы почистить...

– Нет, – отозвалась я. – Не найдется ли у вас другого...

– У меня есть, есть. Новое совсем, выходное. Я его только вчера от модистки забрала. Конечно, не такое великолепное... А это можно почистить, уверяю вас...

И тянула к платью руки. Трогала ткань, щурила от восхищения глаза. Я так и видела, как она его, бедненькое, брошенное здесь, застирывает и так и сяк, не слишком заботясь о том, чья это кровь, а думая лишь о впечатлении, которое произведет, прогуливаясь в нем со своим дешевым кавалером.

Я примерила ее платье. Грустное зрелище. Полная безвкусица. Но – не выбирать...

– А мое снесите... да хоть на помойку, – приказала я, и она тотчас заграбастала его, подбирая невесомые кружева дрожащими руками и бормоча: «Как прикажете, как прикажете».

Ночь тянулась тяжелым кошмаром. Пока все живы, у тебя есть надежда, и ты тысячу раз можешь все исправить. Что бы там не говорили, какие бы преграды не воздвигались перед тобой... Жизнь длинная. Все решается в ней не раз и навсегда. Любое решение – лишь на время. У меня теперь этого времени не было. Совсем не было.

Я чувствовала себя обманутой. Они сбежали от меня. Они поставили окончательную точку там, где была возможна запятая. А запятую всегда можно превратить в своего союзника. После запятой можно создать новую жизнь, можно все переиначить.

Я не могла смириться. И остановиться тоже не могла. Я бы, ни минуты не раздумывая, бросилась за ними на тот свет, если бы хоть кто-нибудь сказал мне, что он существует, что там мы встретимся, и я смогу добиться своего. Я была бы там уже этой ночью, я смеялась бы над невзгодами, я дождалась бы его рано или поздно, я посрамила бы соперницу... Все это я обязательно сделала бы, если бы хоть кто-то мне сказал...

Ночь миновала, но кошмар не закончился. Я не могла вернуться домой.

Получив доступ к своим деньгам, я просто шаталась по городу, где-то в районе трущоб, желая оставаться незамеченной и неузнанной. Боль моя не проходила, горло сжимало ежесекундно, и я с огромным трудом могла проглотить кусок хлеба и запить его водой. Есть было невыносимо. Жить было невыносимо. Но я не могла смириться с этим...

Я не смирилась, как делают миллионы людей, теряющие близких. Я не могла принять такую ситуацию, где передо мной стоит жирная точка и дальше – все: я проиграла. Если бы я была как все, со мной не случилось бы того, что произошло. Потому что с теми, кто смиряется, такого не происходит.

Я превратилась в бродяжку. Дрянные номера дешевых гостиниц стали местом моего ночлега. Мне казалось, вернись я к привычной жизни – и все, крах, это будет означать, что я сдалась...

И МНЕ ПОВЕЗЛО

Мне повезло именно потому, что у этой истории должен был быть совершенно другой конец. Иного объяснения я не нахожу. Потому что иного объяснения просто нет.

Я шла по Лиговки, внимательно глядя под ноги. Только чтобы не встречаться ни с кем взглядом. Голова кружилась от голода, собирался дождь, и мне нужно было укромное местечко, чтобы съесть кусок черствой булки, доставшейся мне по случаю. Все было прозаично, тускло и глупо. Ничего не предвещало перемен.

Сначала я даже не поняла, куда попала. Какой-то лекторий в полуподвале.

Теперь повсюду были эти лектории. Если лекция была заурядной, то народу почти не было, не считая нескольких досужих кумушек да таких же как я неприкаянных голов, спасающихся от уличного ненастья. В маленькой комнате стоял лишь десяток стульев в два ряда. Усевшись за старухой в кумачовом платке, я достала хлеб и почти не слушала сначала сумасшедшего старика, вещавшего что-то за низким столом посреди комнаты.

Он говорил о поисках истины, о мудрости древних, о бессмертии, о рецептах вечной жизни. Я едва не поперхнулась, кусок сухой булки встал поперек горла. Вечная жизнь! Ха-ха! Как раз для меня, ищущей смерти! Посмотрела осторожно на слушателей. Пролетарии самого низкого пошиба тянулись к знаниям. Я могла бы поспорить, что большинство из них читает и пишет с огромным трудом, слюнявя карандаш и багровея от непосильного напряжения. Ах, какая тяга к знаниям на одутловатых, синюшных от водки лицах, впрочем, какое мне до этого дело...

Меня потеснила молодая парочка, сильно вымокшая. Значит, дождь все-таки начался, раз народ не брезгует такими лекциями, придется сидеть здесь до конца. Я доела свой хлеб и пыталась пристроиться удобнее, чтобы вздремнуть быть может, часок, прежде чем возобновить мои скитания по городу, но стулья были жесткие, скрипучие, и пришлось от скуки наблюдать за людьми.

Парочка рядом со мной представляла собой потешное зрелище. Девушка сидела с прямой спиной, будто аришин проглотила, уставив остренькую, точно лисью, мордочку на лектора. А молодец ее, простоватый детина, совсем ей не ровня (о чем после революции говорить стало неприлично и небезопасно), разинув от восторга рот, взирал на ее шею и грудь, которая вздымалась слишком часто, для того чтобы поверить, будто барышня его внимания не замечает. Но она делала вид, что вовсе о нем позабыла, и, чтобы подчеркнуть сие обстоятельство, выкрикнула лектору вопрос:

– Я вот хотела бы узнать, а вот как в книге Герберта Уэлса, сможем ли мы перемещаться во времени?

Боже, какая просвещенная! Наверняка книги в руках не держала, а вычитала про Уэлса и его машину времени в газетах.

– Я ведь именно об этом и рассказываю, – устало заметил старикан, снял очки и протер стекла несвежим носовым платком. – Инкарнация – это и есть способ путешествия во времени. Иного на сегодняшний день нам не дано, и вряд ли когда-нибудь...

– Но, – с переднего ряда вступил гимназист, – в ситуации реинкарнации мы имеем дело со случайной величиной. Мы не можем рассчитать когда, в каком месте, в каком городе и в какой час произойдет наше новое рождение.

– Вы так думаете? – спросил старик. – Трактат «Аруконошон», к примеру, оставляет нам однозначные свидетельства того, что такое возможно, с приведением примеров перемещений, точными параметрами перехода, таблицами дат. И такое перемещение не стирает память...

Старуха в кумачовом платке заговорила прямо передо мной:

– У меня вот муж помер. А я так по нему скучаю порой. Вот вы говорите про эту инкарнацию... Значит, он снова рождается? И я снова, значит, опять... А встретимся ли мы?

– Муж ваш умер давно? – спросил лектор.

– Да лет, почитай, с десяток тому назад.

– Тогда вынужден вас расстроить, голубушка, не встретитесь.

– Почему же?

– Встречаются лишь те, кто умер в один год. А уж если в один год и в один месяц – то, стало быть, – наверняка.

– И кто же это может знать столь точно? – неожиданно для себя самой подала я голос. – Кто там с ними был, чтобы рассказать встретятся они или нет.

– Я, – ответил лектор с грустной улыбкой и развел руками. – А теперь позвольте откланяться, боюсь, что дождь перестал лишь на время, а мне еще добираться, эх, не ближний свет...

Люди стали подниматься, загремели стулья, девушка рядом со мной попыталась аплодировать, но никто ее не поддержал. Она стушевалась и одной из первых бросилась вон. Я тоже встала, но направилась не к двери, а преградила лектору путь к выходу. Сначала он не понял, что я сделала это не случайно, и смешно, как подслеповатый котенок, тыкался вправо и влево, пытаясь обойти меня. Но проход между стульями оказался узким, и разминуться со мной ему не удалось. Он поднял, наконец, на меня глаза и, вероятно, что-то понял, потому что не произнес ни слова, пока последний слушатель не покинул маленький зал.

– Вы, наверно, удивлены, – начала я, когда дверь с грохотом захлопнулась за последним человеком.

– Нет, – ответил он, – ко мне многие обращаются.

– Обращаются с чем?

– Да вот с вашим же вопросом.

– Но я еще не задала его.

– Господи, не стоит мудрить, у меня слишком мало времени. Вам нужен способ пройти сквозь время. Вы потеряли близкого человека, ребенка, любимого – я не знаю, у всех по-разному, но мне и ни к чему подробности. Еще могу вам сказать, что я рассказал об этом способе уже десятку людей, но ни один не решился им воспользоваться. Ни один! Боюсь, вы не исключение...

– Но хоть кто-то когда-то...

– Я. Я давно путешествую во времени. Если быть точным – с 1725 года. Сейчас как раз наступил момент, когда я решился снова прыгнуть на несколько десятилетий вперед. Подустал, знаете ли, в нынешней-то кутерьме, пусть уж все уляжется-устаканится, да и в Европу теперь не выехать... Что за жизнь...

Мы посмотрели друг другу в глаза, и он словно отбросил еще одну маску.

– А вы, пожалуй, не отступитесь – сунете голову в эту петлю.

– Почему в петлю?

– А как вы предпочитаете умереть?

– Умереть?

– Но ведь для того, чтобы родиться заново, нужно умереть, именно этот пунктик все упускают из виду. Вот я смотрю на вас и понимаю, что вы, пожалуй, и рискнете...

– Да нет у меня жизни. Уже давно нет, нечем рисковать... Лектор посмотрел на часы, вздохнул и потащил меня за руку в угол...

Суть перехода он сообщил быстро и четко, потратив не более трех минут на то, чтобы объяснить мне несколько простых вещей да еще заставить повторить все сказанное им. Он не велел записывать. Не велел записывать никогда, а потому теперь я тоже не стану об этом писать. Способ очень простой. Могу сказать только, что он связан с правильной концентрацией сознания в момент смерти. Настолько простой, что поверить в него может лишь умалишенный. Наверно, в этом все и дело – поверить невозможно.

Оставались вопросы, которые волновали меня даже больше самой процедуры смерти. Я спросила его, есть ли гарантии, что в следующей жизни я встречу с теми же людьми, с которыми была здесь. Он ответил однозначно положительно, объяснив, что, разумеется, выглядеть они будут не так, как в этой жизни. У них будут другие имена, и род занятий может оказаться диаметрально противоположным, предупредил даже, что они могут деградировать, то есть опуститься на более низкую ступень социальной лестницы, гораздо более низкую, пугал он меня, если здесь не выполнили свою кармическую задачу. Узнать их я смогу только благодаря своему сердцу. Отношения между нами все равно будут теми же, что и в прошлой жизни. По крайней мере изначально у нас сложатся такие же отношения, а там дальше – как бог даст, можно многое исправить, изменить.

От восторга и нетерпения у меня дорожали пальцы. Он посмотрел на меня с грустью.

– Торопиться вам некуда. Вы родитесь ничего не смыслящим младенцем, потом вам предстоит расти долгие годы, и вот тогда сознание, которое вы протащите с собой сквозь игольное ушко времени, начнет возвращаться. Происходить это будет постепенно, но настойчиво и постоянно. К пятнадцати годам вы вспомните все, и, возможно, в той новой жизни вам покажется куда как более интересно, и вы захотите отказаться от своих намерений. Это не возбраняется. Я вот вообще путешествую налегке, без всяких намерений. Так вот, если вы захотите отказаться от намерений что-то изменить – Бог с вами. Но вот если захотите вообще никогда с ними не встречаться – даже не надейтесь. Вы снова встретитесь лицом к лицу с теми же людьми, пусть и выглядят они иначе, и снова произойдет между вами нечто, что заставит вас выбирать. И от вашего выбора зависит не только та, следующая, жизнь, куда вы сейчас очертя голову рветесь, но и целая череда последующих жизней, о которых вы и представления не имеете. Пронесите это с собой: изменить можно, избежать – нельзя.

– Я боюсь только одного, – начала я, и лектор усмехнулся, вероятно ожидая услышать что-нибудь про смерть, про боль, которой она, вероятно, сопровождается, про ужас, но мне было не до того, – я боюсь не узнать их, мне очень нужно узнать, может быть, есть какие-то ориентиры, может быть...

– Ну это проще простого, – он посмотрел на часы и покачал головой, – я, знаете ли могу опоздать, а у меня очень важное... впереди... ну да ладно, пять минут ничего не изменят, хотел побродить под дождем в последний раз...

Он достал из портфеля календарик, нарисованный на листе бумаги, и задал несколько вопросов. В том числе он спросил, когда умерли близкие мне люди, которых я непременно хотела бы отыскать в следующей жизни, сколько им было лет, когда мы с ними повстречались, а главное – когда началась наша история, та, которая привела к печальному концу. Я назвала ему дату – первое марта, тот самый день, когда я наткнулась на девчонку на улице, дату, которую мне не суждено было забыть... Он записал все цифры, поколдовал с ними, что-то вычисляя, и огорошил меня:

– Если вы умрете завтра, то ваша история и в следующей жизни начнется первого марта, после вашего двадцатипятилетия.

Вот и все. Все было сказано, и мы молча смотрели друг на друга.

– А с вами мы тоже встретимся в будущей жизни?

– Не уверен. Знаете ли, в следующей жизни задерживаться в России не имею намерения. Кухня тяжелая, да и с политикой у вас как-то тут не очень складывается...

– Переход, – спросила я. – Как это бывает обычно?

– Это каждый раз – кошмар. Ужас, которого не передать словами. И память возвращается тяжело. Да и в следующих прыжках легче не становится. Но для меня – оно того стоит... Да еще столько удобств: знания накоплены практически энциклопедические, языки не нужно учить, сами всплывают в памяти, да и перемена внешности может быть самой неожиданной. Как-то, помню, родился я красавцем хоть куда, а теперь вот, – он с усмешкой подергал себя за жидкую бороденку. – Сейчас у меня возраст критический. Знаете ли, не переношу старости. Первые несколько раз уходил в тридцать, не видел смысла дальше... А вот теперь захотелось попробовать – как оно – стареть... Ну да это в последний раз.

С этими словами он решительно направился к двери. У выхода обернулся и сказал:

– Я ухожу сегодня. Сейчас. Вы увидите, ровно через десять минут. Не выходите пока на улицу, это может быть опасно. Вам нужно – завтра, не сейчас.

Меня так лихорадило от всего, что я даже ничего не поняла. Но что-то в этом его «это может быть опасно» меня удержало. Я замерла, бессмысленно глядя на закрывшуюся за ним дверь, и простояла так довольно долго. Сначала был слышен только шум дождя, звуки таксомоторов, пару раз гроыхнул гром, но где-то далеко, хотя дождь после этого припустил с новой силой. А потом... Я сначала подумала было, что – снова гром. Звук был похож. Но гром тут же отметился залпом где-то уж совсем далеко, и я, мучаясь догадками, осторожно подошла к двери и выглянула на улицу.

Старичок-лектор лежал на мостовой, редкие зеваки замедляли шаг, но остановиться им не давали чекисты, размахивающие револьверами...

Меня охватила, чудовищная слабость, ноги подкосились, я вернулась назад в зал, и, наверно, это был сердечный приступ, потому что около получаса мне казалось, что сердце, прыгающее в грудной клетке, вот-вот застрянет где-нибудь в районе горла, и я последую за старикашкой. Тело била дрожь, и руки сводило судорогой. Перед глазами был лишь странный образ чужой смерти, смерти, которая никогда так близко не подкрадывалась ко мне. Губы, растянутые в улыбке, дыра во лбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.